

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2015 | май
интеллектуальный
диалог

КНИГА: КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ КУЛЬТУРЫ или уходящая натура

● стр. 2-24

ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ

Татьяна Савельева:

● стр. 12

«Мы переживаем даже не столько за редкие книги, фонд которых у нас составляет тридцать тысяч экземпляров, сколько за местные издания. Ведь редкие книги всё же можно найти и в Москве, и в Петербурге, а вот наши — только у нас. Поэтому у себя в первую очередь мы должны сохранить то, чего больше нет нигде».

ЗАПИСАНО НА ГЕНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Екатерина Горева:

● стр. 14

«Вчера я показала какие-то движения детям, а потом говорю: «А теперь я вам на балалаечке сыграю, посмотрим, как наши детки попляшут». И тут детки выстрелили всё, что у них накопилось, всю хореографическую лексику, которой они владели — они её выдали. Это была такая массовая пляска, очень гармоничная и не надиктованная».

МАКСИМЫ УЧЁНОГО

Николай Сетков:

● стр. 17

«Люди должны понимать, что нельзя безнаказанно всё время быть сытым. Это противоречит биологической природе человека. Научитесь сознательно, кратковременно, спорадически голодать — и это снимет многие ваши проблемы с внешним видом, здоровьем и душевным дискомфортом».

«С 90-х и до совсем недавних пор не было дня, чтобы, открывая газету или включая телевизор, я не слышал о том, какая я, русский, — свинья, и что история моей страны — это сплошное недоразумение в лучшем случае, а обычно — мрак и ужас. И если немец украл, то это потому что есть у этого конкретного немца такой недостаток, а если русский, то по причине природных свойств целой нации. И сейчас, когда люди открывают рот, чтобы сказать на эту тему первое слово, я уже знаю последнее. Я и елеев не хочу. Но тратить время на то, что и без того знаю, — зачем? Там будет очередное выбивание у человека табуретки из-под ног».

Александр ГРИГОРЕНКО о том,
почему пишутся книги

● стр. 4

Тот, кто в 90-е прочёл «Архипелаг ГУЛАГ», не мог не хотеть переделать систему. Кто плакал над «Белый Бим, чёрное ухо» — не мог быть жестоким к уличным собакам и бездомным котам.

Увы, если бы всё обстояло так просто... Тем не менее до сих пор книга являлась фундаментом нашей цивилизации. Сейчас эта ситуация очевидно меняется. Нет, книга навсегда останется частью культуры и не умрёт — как и картины, музыка, скульптура. Но — останется частью, не фундаментом. Сегодня в основу очевидно закладывается нечто другое. Цифровые технологии? Виртуальная реальность? Если так — это будет совсем другая цивилизация, говорить об эффектах которой сегодня могут одни только фантасты.

Но пока — напомним, в Год литературы! — мы обратились к такой ещё привычной книге. Намеренно мы не пытались бить в колокола («читают всё меньше!»), не собирали круглые столы и не апеллировали к экспертам-аналитикам. Хорошая книга — сама по себе целый мир, и, говоря о ней, можно затронуть буквально все аспекты современной жизни. Впрочем, на это мы не замахивались.

КСТАТИ. На снимке первой страницы — бабушка фотографа нашей редакции ТАРАСОВА Ольга Ивановна. В августе ей исполнится 89(!) лет. Пережила Великую Отечественную, кладезь семейных историй. До сих пор остаётся бодрой и современной. И, как видите, нянчит уже третье поколение своей семьи, в том числе — читает правнукам русские сказки.

244 сюжета

Дивизионный комиссар выходит из окружения в 1941-м — в погонах, при орденах, с шестью бойцами. В 1942-м воюет в окопах Сталинграда. Под Шауляем в звании генерала отбирает у бойца противотанковое ружьё и лично охотится за фашистским танком. Водит самолёт — и в качестве лётчика доставляет коллегу-генерала в необходимую точку. Абсолютно нетипичное поведение для начальника политотдела армии, что отмечают все — от писателя Константина СИМОНОВА до рядового бойца. А через несколько лет после войны уходит из жизни по собственной воле...

Это реальная биография генерала Константина Кириковича АБРАМОВА, нашего земляка. И таких историй — или, если хотите, готовых сюжетов для кино — 244. Именно столько Героев Советского Союза числится в Красноярском крае, о которых к 70-летию Победы издана прекрасная, читаемая с неослабеваемым интересом книга «Присвоить звание Героя».

Сегодня мы говорим с автором её концепции, редактором-составителем Вячеславом ФИЛИППОВЫМ, подполковником авиации запаса.

— Вячеслав Викторович, книга получилась просто шикарная, поздравляю вас! Но это ведь не первое издание о красноярских героях?

— Да, действительно, были три книги, выходявшие в разные годы, мы об этом упомянули во введении. Но наша книга — не переиздание предыдущих, она задумывалась как нечто иное.

А первый сборник материалов «Красноярцы — герои Отечественной войны» вышел в 1959 году. Там было представлено всего 24 Героя Советского Союза и ещё о 70-ти приводились очень коротенькие сведения, буквально фамилия-имя-отчество.

Делал, кстати, все предыдущие сборники краеведческий музей, тогда у них был отдел истории Великой Отечественной войны, возглавляла его Идея Терентьевна РЕВА, я со школы знал эту удивительную женщину. Благодаря ей те сборники в своё время состоялись.

Второй — «Достоин звания Героя» — вышел к 30-летию Победы в 1975 году, там уже 176 человек.

И последняя книжка вышла в 1990 году — «Наши отважные земляки», в ней представлено 189 героев. Это были уже журналистские очерки. Дело вкуса, но лично я не очень люблю, когда складывается ощущение, что автор вроде как стоял за спиной у человека, бросающегося на ДЗОТ: описывает, о чём тот думал, что чувствовал. То есть много красивостей, художественного вымысла...

— В Октябрьском районе установлен ещё и обелиск всем Героям Красноярского края, на нём высечено 207 фамилий. Почему такая разница в числах?

— Когда мы задумывали книгу с Серафимой Семёновной АКСЕЛЬРОД (заведующая народным музеем «Память» красноярской школы № 19, руководитель поискового отряда «Вечный огонь»), тоже стали разбираться — почему разные цифры. Вообще

— кого считать красноярцем? Я предлагал принципиальную позицию — отобрать по чётким критериям, а именно: кто родился на территории края, кто умер и здесь похоронен и кто призван отсюда. Во многих регионах руководствуются именно этими критериями. Что, конечно, уменьшило бы число «наших» героев. Но победила дипломатия.

— Что это значит?

— Уже когда на уровне администрации края был решён вопрос, что книга будет, сделали запрос по районам края, по архивам, по управлениям культуры: сообщайте о ваших героях, может, у вас есть дополнительная информация, присылайте — мы всё используем...

— Присылали?

— Очень мало, единичные случаи. Некоторые просто проигнорировали запрос. Это курировал Ю.В. РЕПИН, представитель агентства печати и массовых коммуникаций края, именно они занимались организационными моментами, а мы — содержанием.

Но тем не менее из районов нам писали: пусть этот герой у нас прожил лишь несколько лет, не родился, не призван и не умер. Но он оставил о себе хорошую память, у нас улица его именем названа. Или — мемориальная доска установлена. Или в районном музее — целый стенд о нём. Как не написать? Вот это и есть дипломатия. В результате в книгу мы включили всех, кто здесь увековечен.

— Чем издание принципиально отличается?

— Полнотой — раз. Мы никого не забыли. Включили и тех, кого обычно в списки не вносили. Предыдущие книжки начинались с озера Хасан, с Григория КОРНЕВА, 1938 год. Полярные лётчики, с которых начинается наша книга, почему-то не считались, хотя они были штатными пилотами Енисейской авиалинии, когда звания Героев получали.

Дальше — мы включили Героев России. Я убеждал, что это надо сделать обязательно. Герои России — правопреемники звания Героя Советского Союза. Их всего у нас 9 человек, почти все они погибли, а о них никто не знает. А отдельной книги они вообще не скоро дождутся.

— Подарочное издание — условие заказчика?

— Мы изначально хотели именно такую книгу. Издание и справочное, и подарочное одновременно. Книга в продажу не идёт, она целевым образом распространяется по библиотекам, музеям, советам ветеранов, будет передана родственникам героев. Часть останется как подарочный фонд в администрации края.

Дизайн, выполненный в «Поликоре», во многом похож на дизайн книги «Красноярск-Берлин», выпущенной 5 лет назад, к предыдущему юбилею Побе-

ды. Мы делали это сознательно, потому что эти две книги дополняют друг друга.

Тем изданием Красноярск вообще может гордиться, по крайней мере я очень люблю ту книгу, тоже входил в состав авторского коллектива. Это глобальный проект, где участие Красноярского края в Великой Отечественной войне было рассмотрено буквально со всех сторон.

До книги «Красноярск-Берлин» у нас выходили разрозненные публикации: то про отдельную дивизию, то про оборонные предприятия, то про госпитали. Мы объединили все стороны, причём есть уникальные фишки. Например, мы включили главы: а как вообще люди в Красноярске жили во время войны? Что на рынке продавали, какие были цены, как работали школы, детские сады и т.д. Фронт был расписан идеально, а тыл ещё лучше, целый коллектив профессиональных журналистов работал. А где бы вы увидели в подарочной книге главу про роль заключённых в Победе? А они ведь тоже работали, да ещё как. В общем, то издание исчерпывающим получилось.

— Но про героев потребовалась отдельная книга. Когда родилась идея?

— Она всегда была. Именно потому, что предыдущие не устраивали. Ни содержанием, ни качеством издания — на газетной бумаге, практически без иллюстраций...

— Сколько времени работали над книгой?

— Наверное, три четверти текста было уже готово до того, как вопрос об издании решился. Материал ведь копился не один год, ждал своей очереди. А уже с 2012 года мы целенаправленно проталкивали идею книги. В 2014 году В. ТОЛОКОНСКИЙ, как только стал губернатором, принял решение об издании. И мы её собрали за полгода. Начали заниматься в сентябре, и к концу 2014 года она была уже готова.

— Откуда основное содержание, источники?

— Источников несколько. Обязательный и первый — Центральный архив Министерства обороны, наградные листы.

Это основа, потому что очерки краткие, и мы решили лучше взять точную информацию из исторических документов. В наградном листе хоть скупое, но максимально точно описан подвиг. Если ещё у героя были награды, мы их указывали, потому что так виден весь боевой путь.

Второе — личные дела, по которым мы уточняли биографические данные.

— Так вы каждое личное дело поднимали?

— Какие нашли, далеко не все. Потому что у солдат личных дел нет, только у офицеров. Причём к личным делам нет свободного доступа, мы добились разрешения от Генерального штаба. Я не один год и не раз в год ездил в командировки в Москву, в Подольск, неделями сидел там в архивах.

А сейчас ещё есть сайт «Герои страны». Там представлена информация из тех же архивов, которыми пользовались и мы. Но на сайт иногда кто-то дополнительные сведения присылает, так что там мы тоже что-то брали. Плюс кое-что из очерков предыдущих изданий. В результате получился синтез всего имеющегося материала на данный момент.

— Расположение очерков у вас идёт не по алфавиту, а по родам войск и по дате получения звания. Чем это хорошо?

— На мой взгляд, когда по алфавиту, всё сваливается в кучу, не разберёшь. Проще сделать алфавитный указатель в конце: надо тебе фамилию — найдёшь.

Почему по родам войск? Так интереснее! Можно поместить вставки «Оружие Победы», как мы сделали. То есть рассказываем про лётчика, который летал на Пе-2, а рядом рассказ об этом самолёте. Начинается всё с авиаторов, потому что первым героем у нас стал МОЛОКОВ и вообще полярные лётчики.

А уже внутри блоков идёт изложение по датам, и так прослеживается постепенный ход войны, последовательность сражений.

— Заметно, что о ком-то подробные очерки, о других — практически один текст наградного листа. Видимо, сведения были крайне скудные. Таких героев много?

— Много. Особенно тех, кто погиб во время войны, да ещё на чужой территории. Вся биография: короткая довоенная жизнь — и собственно подвиг. Есть и те, кто вернулся с войны, но даже даты смерти не известно. Например, ГУСЕВ. Он жил в Волгограде, и никто не знает даже, когда умер. Возможно, был совсем одинокий.

— Но были люди, которые вернулись с войны, жили в нашем городе, наверняка и родственники их здесь, и семейные архивы сохранились... А написано о них немного, почему?

— На самом деле — мало информации. Можно, конечно, начать искать семью, но не было у нас 10 лет на это, как и сведений — где живут родственники, кто хранит архив... Зато сейчас, после выхода книги, появились некоторые претензии: почему, мол, у меня не взяли интервью? А откуда я знаю, что это дочь героя, если у неё сейчас даже фамилия другая? И Совет ветеранов про этих людей тоже не знает...

— Обидно такое слышать? По идее, вам должны быть благодарны за сохранение памяти о близких.

— Недовольные всегда найдутся. Но я отвечаю за каждую букву. В терминологии о войне я вообще не переносю бреда. Наименования воинских частей, званий, должностей, наград — всё должно быть ПРАВИЛЬНО.

— Ещё из книги интересно узнать, как по-разному бывают увековечены герои. Именем ОЛЕЙНИКОВА назван пароход; именная пушка МАКАРЕНКО (единственный случай в Красной Армии!) подарена как экспонат музею Ленинграда; именем БАСКОВА назван турнир по боксу... Как это решается? И все ли герои увековечены?

— Очень субъективно решается. И увековечены далеко не все. Наоборот, большинство — нет.

— А высшее признание — это когда навечно зачислен в какой-то полк?

— По-хорошему — да. Потому что пока существует воинская часть, имя героя называют на каждой утренней и вечерней поверке; у героя в казарме стоит коечка заправленная, за ней следят и т.д. Это правильный воинский ритуал.

— А вот когда именем героя называют улицы, это вроде бы звучит впечатляюще, но на самом деле имя затирается, на мой взгляд. Например, живу недалеко от ул. Борисевича, но и в мыслях не было, что это имя героя...

— Скажу больше, многие считают, что улица БЕЛИНСКОГО — это в честь литературного критика Виссариона Григорьевича и мало кто знает, что — Ефима Семёновича, который закрыл своим телом амбразуру ДЗОТа, как Александр МАТРОСОВ.

— Среди героев есть те, кто закончил красноярские школы: лётчик Степан ЯНКОВСКИЙ —

шк. № 20; лётчик Леонид ЧУДБИН и партизанка Надежда ТРОЯН — шк. № 35. Надеюсь, во всех этих школах про своих героев знают?

— Не уверен. Каких-то школ уже может не существовать. Мне периодически звонят, спрашивают: хотим школу назвать именем героя, кого посоветуете? Я что-то рассказываю, но потом интерес, видимо, пропадает, люди куда-то исчезают...

— А у вас много материала осталось «за кадром»?

— Много. Потому что и героев у нас много. Например, мне прислали книгу из Якутии, у них 30 героев. Поэтому и очерк о каждом — развёрнутый, на 30 страниц. У нас в таком случае пришлось бы делать трёхтомник и готовить его, действительно, лет 10.

— Ещё обращает внимание, что немногие из героев, родившиеся здесь, после войны вернулись в Сибирь. Оставались в европейской части, особенно часто выбирали Украину. А сейчас там такой «пересмотр истории»... Каково это ветеранам?

— Мало кто дожил до этого. На момент издания живы были РУБАНОВ Пётр Акимович (в Запорожье) и МОИСЕЕВ Иван Тимофеевич (в Москве). А вот Василий Гаврилович ТИХОНОВ, несмотря на то что жил в Харькове, завещал похоронить его в Абакане. И это сделали.

— Вы что, всех героев по имени-отчеству помните?

— Да они все мне стали родные! Хоть про кого могу сразу рассказать.

— А есть ещё какие-то издательские планы?

— Конечно! Потому что есть уникальный материал. Я вышел на него абсолютно случайно, поскольку пытаюсь везде пиарить свою излюбленную тему «Аляска-Сибирь». И вот в газете «Совершенно секретно», где выходила моя публикация, я попросил, чтоб указали мою электронную почту — мало ли в чьи нужные уши попадёт информация. И действительно, статью прочитал сын начальника политотдела перогоночной трассы «Аляска-Сибирь»! И пишет мне на почту: у меня осталась рукопись отца, он стоял у истоков формирования дивизии. Представляете?

— Так вы рукопись хотите опубликовать?

— Рукопись будет только частью книги. Там ещё рассказ о самой трассе, а закончить я хочу нашей поисковой работой, всеми этими хрониками пикирующих самолётов, историю которых мы здесь, в крае, раскапываем.

— Действительно, книга может получиться необычной.

— И тем не менее уже на первом этапе я слышу возражения. В том числе: да что про эту трассу писать, уже столько написано! Я вам отвечаю: по истории трассы в России за 70 лет после Победы вышло всего 7 книг. По две в Москве, Якутске, Иркутске. В Красноярске одна — моя, небольшая, справочного характера. Все книги малотиражные, 300-500 экземпляров. Это что, много? Статьи, выходявшие в красноярских газетах, тоже в основном по нашей информации.

Был ещё журналист Валерий ЯРОСЛАВЦЕВ, он подготовил шикарную книгу про АлСиб, потому что тогда ещё много было живых участников событий, он ездил в Москву, говорил с Молоковым, МАЗУРУКОМ. Но Ярославцев книгу издать не успел, умер, а архив его исчез, найти не могут. Часть его рукописи вошла в сборник «Небо без границ», несколько отрывков в местных газетах печаталось (поэтому и знаю, что материал у него был шикарный).

Вот и все наши первоисточники... Но сейчас информации собралось гораздо больше.

СФ

Открывая новую страницу, первым делом смотришь на дату рождения: 1920, 1922... И мысленно переводишь в возраст: им было 22, 20... Те, кому, 25, 27 — считай, зрелые люди. А если 30 — так и вообще, получается, успели пожить.

Но главное — книгу листаешь, как драгоценный манускрипт. Не потому что она отлично издана, а потому что на каждой странице — такие судьбы, что проникают в душу и больше тебя не отпускают. Вот только несколько имён и биографий.

★

Сергей АСЯМОВ — из легендарных полярных лётчиков. В зимнюю навигацию 1937-1938 гг. участвовал в спасении экипажей с дрейфующих судов каравана ледокола «Ленин». Звено Асямова вывезло в Тикси 80 человек, наиболее нуждающихся в медицинской помощи.

С началом войны — участвовал в первых бомбёжках Берлина (10 августа 1941 г.). В 1942-м ему была доверена тайная миссия — доставить делегацию Наркомата иностранных дел на переговоры в Англию и США. До Англии Асямов долетел, посадил свой самолёт на аэродроме Тилинг в Шотландии. Уже оттуда англичане увезли делегацию и членов экипажа в Лондон, затем попросили вернуться на аэродром Тилинг и показать наш самолёт. В этом перелёте английский самолёт взорвался в воздухе, все бывшие на борту погибли. Асямов похоронен в 100 милях от Лондона.

★

Лётчик-бомбардировщик Борис БЫСТРЫХ однажды получил задание оборвать провода связи над железной дорогой Сумы-Белополье. На бреющем полёте сначала разбомбил эшелон, потом металлическими «кошками» оборвал три пролёта проводов. Расстрелял весь боезапас на колонну противника и — был атакован шестью истребителями, вынуждавшими лётчика посадить самолёт на немецкий аэродром. Имитировал посадку, резко пошёл в пике, а потом буквально над верхушками деревьев ушёл от противника.

Быстрых был сбит 3 июня 1943 года, при крушении самолёта погиб. Когда к разбитой машине подоспели немцы и увидели у лётчика звезду Героя, они сами похоронили его и дали над могилой залп из автоматов, чему был свидетелемцелевший стрелок-радист.

★

Георгий КУЗЬМИН получил название «красноярский Маресьев». Его самолёт был сбит, лётчик ранен в ноги, попал в плен. Но сумел бежать, почти месяц воевал в партизанском отряде. И только когда добрался до госпиталей, выяснилось, что требуется ампутация ступней — последствия ранения и обморожения. Но — научился ходить, вернулся в строй. За 90 вылетов лично сбил 15 и в группе 6 самолётов. Погиб, выбросившись из подбитого самолёта, — парашют загорелся...

★

Артиллерист Иван БОРИСЕВИЧ отличился у деревни Лучица в Белоруссии. Оставшись один на батарее, противостоял 8 танкам, причём один из них пытался раздавить пушку, и Борисевич бил по нему буквально в лоб. Сейчас в той белорусской деревне стоит мемориал не пропустившим врага героям-артиллеристам.

Вернулся с фронта солдат весь израненный. Работал в родном леспрохозе, позже переехал в Красноярск, устроился конюхом на Химкомбинат. Там долгое время никто не знал, что работает у них Герой Советского Союза. И когда к очередной годовщине Победы его «вычислили» — было принято решение назвать фамилией Борисевича одну из улиц Красноярска. Всего два месяца Иван Андреевич не дожил до этого торжественного события.

★

Капитан Геннадий ГОРДОПолов форсировал Днепр. За одно это представляли к награде, но передовой отряд Гордополова не только переправился через реку с наименьшими потерями, отбил атаку немцев, расстреляв наступающего врага в упор, но ещё и захватил высоту с батареей зенитных орудий. Развернув немецкие пушки, бойцы выбили врага из занимаемых позиций и укрепились на плацдарме. Но в бою капитан получил тяжелейшую контузию и оглох. Был комиссован. И только через шесть лет склонившийся над кроватью дочери бывший солдат услышал, как тикают часы. Так к нему вернулся слух.

★

Сержант Афанасий ЧЕРНЯК — из тех немногих, кому на момент присвоения звания Героя было уже 45 лет. Его батарее была поставлена задача по болотам выйти в тыл немцев и перекрыть их отступление к Бобруйску. Батарея из двух орудий заняла позицию у деревни Узляны. Немцы пытались её атаковать, обходя с флангов. Черняк пулемётным огнём прикрывал батарею. Он стрелял кругом, ловил на лету гранаты и бросал их в толпу немцев, уничтожив до 150 солдат и офицеров. Фашисты всё же забросали батарею гранатами, вывели из строя пулемет. Самого Черняка оглушило и засыпало землёй. Когда он пришёл в себя — бросился к орудью, где оставался один боец, и они вдвоём продолжали бой до подхода помощи. На поле осталось 700 фрицев...

Основы человековедения

В 2000 году журналист Александр ГРИГОРЕНКО каждый день показывал фокус, который публике не надоедал. Вот стоит рослый и плечистый Саша рядом со своим крошечным автомобилем «Ока». Наклоняется, в долю секунды будто складывается вчетверо, — и вот он уже за рулём любимого Окакия, а в салоне ещё есть место для пассажиров. Не машина, а какое-то искривление пространства, уютный карман в другой мир. Зрители аплодируют, фокусник едет домой в Дивногорск.

Если серьёзно, с категориями пространства и времени, как и счастья, свободы, гордости и пр. Александр ГРИГОРЕНКО всегда работал виртуозно. Сегодня это подтверждено и растущей армией поклонников, и Национальной литературной премией «Большая книга», финалистами которой стали оба его романа «Мэбэт» и «Ильгет». Он по-прежнему живёт в Дивногорске, а работает журналистом в Красноярске. Правда, ездит уже на другой машине.

— Саша, как же ты расстался с любимым Окакием?

— А достал он меня однажды крепко. Еду как-то, настроение паршивое, а тут ещё ровно рядом с Покровским собором Окакий глохнуть начал. Милый, говорю, ты мне надоел. Запихал я его на ближайшую парковку и бросил. Продав потом за 15 тысяч дедушке одному колоритному: 70 лет, пистолет в кармане да ещё и страшный бабник. Потрясающий дед! Не жалко было Окакия ему отдавать.

— Что ты сейчас читаешь?

— «Осень патриарха». Люблю латиноамериканскую прозу, она на меня тонизирующе действует. Такая интересная штука: большинство книг, которые мне нужны, я купил ещё в юности. Правда, читал не всё: открыл, просмотрел 2-4 страницы и бросил — казалось, ерунда какая-то. А лет через 15 она мне пригождалась.

С ГОЛДИНГОМ так было. Купил сразу несколько книжек его — всё-таки Нобелевский лауреат, опять же борода красивая. Прочитал полстраницы «Шпиля» — не моё. А потом, уж не знаю, что произошло, но прочитал запоем всего.

— А из современной литературы что последнее читал?

— Женский роман «В ролях» Виктории ЛЕБЕДЕВОЙ. Там про девочку, которая жила у нас в Выезжем Логге, а мать всё хотела её пробить куда-нибудь в богему, в Москву. Такая антизолушка. Хорошая книга. Евгения ЭДИНА «Ведьма в соседней квартире» недавно прочитал. Человек ведь не так много книг за жизнь прочитывает, по-моему, около трёх тысяч.

— Ты свои три тысячи прочитал?

— Нет, конечно. Хотя лет до 30 было время разбрасывать камни, и я читал много всего. Философию и нон-фикшн — очень уж хотел умным стать.

А часть классики непрочитанной тогда осталась. Вот «Анну Каренину» даже с третьей попытки не смог одолеть, не сочувствую я ей. А всё остальное у Толстого люблю. «Войну и мир» перечитываю постоянно. С любого места, со случайно открытой страницы.

Фото Антона ПЕТРОВА

— Так уж и постоянно? Раз в год? Раз в пять лет?

— По ощущениям — всегда. Я человек беспорядочный. Пришло настроение — перечитал хотя бы десять страниц. В прошлом году — два тома. Латиноамериканцев также могу бесконечно перечитывать. У БОРХЕСА, как ни странно, почти не запоминаю сюжетов, но само повествование выводит в нужную тональность для моей работы — стилистическую, речевую. Чтобы что-то сочинять, нужно всё-таки немного приподниматься. Когда ты с сюжетом и персонажем на одном уровне — это в лучшем случае хорошая журналистика. А для прозы нужно немного взлетать, чуть сверху смотреть.

— А что ещё тебе для этого нужно?

— Это вопрос судьбы, как мне кажется. Литературные произведения — это всегда следствие внутренних перемен в человеке. Есть люди, которые умеют, грубо говоря, производить литературу, кстати, часто хорошую. Один из первых таких производителей, насколько я знаю, — Алексей ТОЛСТОЙ. Говорят, именно он первым использовал литературных негров для производства романов. И кроме классических своих произведений — «Гиперболоида», «Ибикуса», «Петра Первого», которые писал сам и честно — издал целую кучу всякой ерундовины просто для заработка.

А произведения возникают в силу внутренних перемен. Все же как-то реагируют на внутренние изменения: кто-то температурой, кто-то романами. Далеко не самый плодovitый, конечно, путь. Особенно если следовать пафосным словам Льва Толстого: «Если можешь — не пиши».

Ждёшь ситуации, когда с тобой произошло нечто потрясающее, и ты чувствуешь, нужно обязательно рассказать об этом всем, иначе — сдохнешь. Однако постоянно так быть не может.

Я и раньше-то плодovitостью не отличался. Первая повесть у меня вышла после армии, потому что армия стала потрясением. Ничего сверхъестественного или трагического там со мной не происходило, было то же,

через что прошли тысячи и тысячи других людей. Но сам момент перелома, когда ты из мальчика превращаешься во взрослого человека, когда заканчивается детство — это уже интересные перемены.

— Толстой красиво сказал, но давно. Сейчас, мне кажется, этот внутренний ценз не срабатывает, писателей больше, чем читателей. Сообщают обо всём, что с ними происходит: в историях, обрывках разговоров, вкусно ли поели, мяго ли послали...

— Согласен. Читателя нужно ещё и удивить чем-то. Как в «Зеркале» ТАРКОВСКОГО, помнишь, «Поэт должен потрясать сердца». Мало ли что ты там написал, мало ли, насколько для тебя значимо написанное, а удивить-то чем ты меня хочешь? Жизнь слишком коротка, чтобы читать невероятное количество макулатуры, которая ничего в тебе не оставит. А оттенков у удивления множество, от «слегка удивлён» до «поражён и размазан».

— Какое произведение тебя «размазало»?

— В подростковом возрасте «На краю Ойкумены» ЕФРЕМОВА. О рабах-греках, которых отпустили домой за то, что они поймали носорога для фараона, но с условием, что они не могут пройти через Египет. И они идут через всю Африку, плывут через Гибралтарский пролив... Я люблю путешествовать, и тема странствий мне нравится. Позже «Преступление и наказание» размазало. Ещё позже — «Шпиль», «Двойной язык» и «Наследники» Голдинга.

Есть книги, которые я бы и рад не читать, но это невозможно, настолько они талантливые. Например, «Обитель» ПРИЛЕПИНА. Несколько раз бросал читать, но талант — это же власть — читай, сволочь, — рука сама тянулась. И дочитал. Хотя книга страшная. Ни надежды, ни любви, ничего настоящего. Только страх. Шок — это тоже искусство. Хотя тот же «Левифан» я смотреть точно не буду.

— Почему?

— Не хочу. Знаешь, я в последнее время начал свою нежную психику беречь. С 90-х и до совсем недавних пор не было дня, чтобы, открывая газету или включая телевизор, я не слышал о том, какая я, русский, — свинья, и что история моей страны — это сплошное недоразумение в лучшем случае, а обычно — мрак и ужас. И если немец украл, то это потому что есть у этого конкретного немца такой недостаток, а если русский, то по причине природных свойств целой нации.

И сейчас, когда люди открывают рот, чтобы сказать на эту тему первое

слово, я уже знаю последнее. Я и елев не хочу. Но тратить время на то, что и без того знаю, — зачем? Там будет очередное выбивание у человека табуретки из-под ног. Любой же нормальный думающий человек постоянно в поиске надежды, спасения. А тут — хрясь! — вышибают табуретку: и Бога нет, и люди свиньи, и всё равно все сдохнем...

— Подожди, Прилепину ты не отказываешь в возможности использовать шок, а ЗВЯГИНЦЕВ на него не имеет права?

— Шок — это художественное средство. Чтобы разбудить человека, который чутко спит, до него достаточно дотронуться. А если он «в дрова»? Его же пнуть придётся, иначе не проснётся. И есть, например, шоковый кинематограф БАЛАБАНОВА, которого я считаю великим режиссёром. Шок — он ведь должен быть ради чего-то. Нет, не «чего-то» — ради спасения. Те же «Брат» и «Брат-2» — это не боевики про убийцу. Это эпические произведения, былины. Былины о богатыре, человеке, который стоит войска. Из «Обители» я вынес простое утверждение, в одной фразе оно там дано. Когда Эйхманис говорит Горьянову: «Ты говоришь, что НКВД людей мучает? Посмотри, где ты тут видишь НКВД? Вы сами себя мучаете».

И два маленькие форточки в мире в «Обители» — это два священника. Люди совершенно другого нравственного состава. Два физически истощённых старика оказываются сильнее всех.

Вот для этого нужен шок. Чтобы понять, что в жизни настоящее.

— Как тебе кажется, люди сейчас меньше читают?

— Не знаю. Мне приходилось уже с моими читателями встречаться, так они читают гораздо больше меня. И о литературном процессе более осведомлены. Хотя «много» — такая категория подозрительная, много хорошего в принципе быть не может.

— Первую встречу с читателями помнишь? Страшно было?

— Да! Я всё перепутал, запинаясь, голос дрожал, двух слов не мог связать, какие-то провалы в памяти вдруг случились... Потом проще стало, приятно поговорить с людьми о том, что тебе самому интересно.

Я недавно поймал себя на мысли, что... Раньше я завидовал таким вещам, от которых мне сейчас страшно. Например, что кто-то выпить мог больше, чем я. Или пользовался большим успехом у барышень.

— Так это юношеское бахвальство, возрастное.

— Нет, есть люди, которые до конца жизни считают, что нужно быть здоровеньким, хорошеньким, для противоположного пола привлекательным, всегда в центре внимания.

— А по твоему мнению, каким должен быть человек?

— Каким... Хорошим. Если говорить конкретно обо мне, то спокойным. Мне не хватает мозгов и спокойствия. Я о том, как в молитве, знаешь: «Господи, дай мне спокойствие принять то, что я не в силах изменить, дай мне мужество изменить то, что могу, и мудрость отличить первое от второго». Вот это самое главное.

Недавно делал интервью с редактором отдела прозы литературного журнала «Октябрь». Она рассказывала, что талантливые люди иногда приносят какое-то откровенное сырьё. Потому что их гонят издатели. Ту работу, которую человек должен делать два года, их заставляют сделать за шесть месяцев. Вот эта постоянная гонка — ради чего это?..

— Так все процессы за последние 20 лет ускорились.

— В литературе скорость ведёт к снижению уровня. Голдинг в 43 года свою первую книжку опубликовал, потом ещё несколько романов написал и замолчал на двенадцать лет. Не знаю, смог бы я вытерпеть двенадцать лет? Я зарабатываю словом с 21 года. После публикации первой повести работал в газете. Смог бы я ничего не говорить целых двенадцать лет? Для меня это открытый вопрос. Для такого поступка нужны спокойствие и мудрость.

— Ты холерик?

— Теперь нет, а в юности был, мягко говоря, очень эмоциональный товарищ. Не зря же в одной молитве, где перечисляются грехи, есть строчка «яже от юности и от науки злы, и яже суть от наглства и уныния». То есть юность, злая наука, наглость и уныние ставятся в один ряд. Юность — это избыток телесного здоровья и энергии на фоне дефицита мозгов и жизненного опыта. Хотя, мне кажется, по поводу любого человека есть устойчивый высший замысел...

— Даже если так, можно за всю жизнь не понять, в чём он.

— Да. Но перед любым человеком, неважно, верующий он или нет, однажды возникает какие-то откровения, что-то настоящее, правда как она есть. В Евангелии есть слова, что всё простится, кроме хулы на Духа Святого. То есть Дух — это правда, которая является перед тобой, и ты понимаешь, что это правда, но идёшь против неё. И это единственное, что не прощается. Это вопрос не только религиозный — человеческий. Например, ты вдруг понимаешь, что всё, к чему ты стремился в течение всей жизни, оказалось чем-то чудовищным. И понимая, продолжаешь это делать. Вот это самое ужасное, что может случиться.

— В детстве ты исписывал целые тетради сказками. Что там было?

— Традиционные сюжеты, где намешано всё подряд. У меня и младшая дочь сказки сходу придумывает, как многие дети: «Жили-были три козлика: Бодайка, Обзываетка и Литтл Джек». Откуда она это берёт? А шпарит как по написанному, вот прямо сейчас цепляет сюжет за сюжет. У меня так же было в детстве: что вижу, то пою. Не самый плохой, кстати, жанр. Там были какие-то принцессы, какие-то двоечники...

— Ты хорошо учился?

— Не очень.

— Поэтому двоечники?

— Нет, я не был двоечником. Но способности к точным наукам у меня атрофированы. Моя учительница математики Валентина Петровна в 9 классе сказала: «Если Григоренко хоть что-нибудь решит, Енисей потечёт в другую сторону». Она сделала вывод: если мальчик сочинения струячит по целой тетрадке, какой из него математик. И позволила мне на своих уроках ничего не делать, главное — не мешать другим.

— А читатели у твоих детских сказок были?

— Конечно. Дело в том, что я лучше всего работаю по заданию. И писал, когда в школе говорили, что к какому-то празднику нужно сочинить сказку или стишок. Меня это вдохновляло, потом читал на публике, перед всей школой. Учителя умилялись.

— Где ты учился после школы?

— В Кемеровском институте культуры, специальность «Руководитель самостоятельной киностудии».

— Какой любопытный выбор...

— У моего отца была любительская киностудия. Кино и сейчас для меня важно: сочиняя, сначала вижу кино, а потом переношу его на бумагу. А в юности кинематограф для меня был бог!

Хотел поступать во ВГИК, но мне сказали: во-первых, тебя туда не примут, потому что у режиссёров и артистов своих детей много. Во-вторых, даже если ты окончишь ВГИК, придётся снимать только то, что тебе скажут. А вот после кемеровского института культуры сможешь снимать всё, что захочешь. Смешно сейчас, конечно. Но я не жалею.

— А служил ты где?

— В войсках связи в Полтаве, Муроме, Москве. Что меня поразило в армии, как я сейчас понимаю, — то, как советский народ потихоньку начинал пожирать друг друга. Я говорю не о дедовщине, она есть в любой армии. Это нормальное явление, свойственное любому чисто мужскому обществу. А в армии вдруг появилась потребность отомстить невинному человеку. То есть беспричинно унижали тебя, потом ты ни за что унижаешь другого. Открытая злоба, месть.

Вот, кстати, к вопросу о книгах, к которым возвращаешься. Я в 1992 году купил 22 тома «Архива русской революции», репринтное издание ГЕССЕНА, до сих пор читаю. Это воспоминания эмигрантов первой волны, от Фрейлин и министра Набокова до курсисток. Так вот главное общее впечатление о гражданской войне — это разгул мести всем и за всё. Там есть персонаж, бывший театральный парикмахер Ральф, которого пинками из театра выгнали за кражу золотых украшений у примы оперетты. Позже, работая в ЧК, он встретил человека, который когда-то спас его от тюрьмы. И сказал ему: «Я должен тебя расстрелять. Но тебя я не расстреляю. Сейчас я мщу всем и за всё».

И вот это непроговоренное, но уже ошутимое желание мести всем и за всё — это и есть гражданская война внутри. Немотивированное желание сделать человеку больно. И в армии среди этих 18-20-летних, среди которых был и я, как раз зарождалось это желание мстить всем и за всё.

Помню удивление, что народы СССР не очень-то и дружны. Когда армянский мальчик говорит «Туалет пусть русские свиньи моют», а русский его не иначе как чуркой называет... И из этой ситуации концентрированной злобы невозможно выйти. Такая гражданская война в зачатке.

— Но её ведь не случилось. И ты мог бы забыть о пережитом, но почему-то взялся за повесть.

— Меня распирало. Казалось, что я обязан всем рассказать о происходящем. Тем более что у дембелей в институте был чудовищно льготный режим. Выгнать могли только за антисоветскую агитацию или аморальное поведение. Поэтому на занятия никто не ходил, зачёты-экзамены сдавали, когда кому хотелось. Некоторых моих однокурсников подкосило это настолько, что они до диплома так и не добрались.

— А где и как издали твою первую повесть?

— Это же был конец 80-х, время коротичевского «Огонька» и т.д. Открытие на открытии: пламенных большевиков-то, оказывается, расстреляли. А и сами пламенные большевики были убийцы. ТУХАЧЕВСКИЙ, например, оказывается, тамбовских крестьян газами травил. Очень это воодушевляло. Начитавшись «Огонька», мы с моими друзьями ПОГОРЕЛОВЫМ и ЯРОЩУКОМ на

ступеньках пельменной, прозванной Пентагоном, решили выйти из комсомола. Правда, в комитете комсомола нам объяснили, что поскольку курс идеологический, то исключение из комсомола автоматически ведёт к вылету из института. К этому мы не были готовы. Для очистки нашей совести комсомол вскоре развалился. А вслед за ним и Советский Союз.

Я показал повесть куратору нашего курса Александру Илларионовичу ДМИТРИЕВУ, он передал знакомому, который как раз готовил к печати альманах «Провинция», где меня и опубликовали. Гонорар был сумасшедший — 390 рублей, трёхмесячная моя зарплата.

— Письма от первых читателей хранишь?

— А не было писем. И меня тогда интересовало мнение не далёких незнакомых мне людей, а друзей. Вот друзья прочитали, сказали «Зашибись!», и я был счастлив. И считал себя вполне состоявшимся, полноценным и в чём-то даже выдающимся человеком.

— А журналистика откуда взялась?

— В те времена была своего рода иерархия: самодеятельное сочинительство, потом журналистика, а наверху уже профессиональные литераторы. Так что в журналистику я пошёл как на повышение. Тем более тогда она развивалась бурно, и вес её был неизмеримо больший, чем нынче.

— Сейчас, ты считаешь, ещё есть журналистика?

— Как коммунальная служба — да. Людям необходимо получать информацию, быть в курсе происходящего, и журналисты сегодня обслуживают эти потребности. Иногда нужны и другие точки зрения, и даже публицистика. Но того веса, который был у профессии в 90-е, конечно, уже нет.

Тогда перед людьми, вышедшими из закрытого общества, стояло много судьбоносных вопросов: кто мы такие? Какая на самом деле наша история? Как к нам относятся за границей? Что такое гамбургер? И об этом рассказывали журналисты. Интернета не было, но у «Нового мира» тираж был пять миллионов. Сейчас — около пяти тысяч.

— Ты чувствуешь себя состоявшимся?

— Нет.

— Как же так? Делал то, что захватывало, написал два замечательных романа...

— Так я ещё хочу. Это же не законченное действие, а процесс. Вот помру, там и решат, состоялся я или нет. Жизнь — это процесс, жить-то хочется каждый день.

— А снять фильм ты не хотел?

— Хотел. Но не сниму. Человек с улицы ведь не может стать главным инженером? И талант управленца должен быть. Я знаком с одним кинорежиссёром, Александрой СТРЕЛЯНОЙ. Предполагалось, что она будет ставить экранизацию моего «Мэбэта» и приехала знакомиться: молоденькая, худенькая, в каких-то походных

тапочках, с сумочкой... А начали разговаривать, и я поразился, насколько это жёсткий, цепкий, фантастически умный и волевой человек. У меня этого нет. Мне бы с собой управиться.

— Как ты написал первый роман?

— Тоже по заказу. Работал тогда в Киеве. Ностальгия заела, а у работодателя как раз появилась идея сделать проект о тайге. На чужбине о родине пишется хорошо. По договорённости мне платили по 10 долларов за страницу текста. Денег было немного, и я считал: ага, сегодня сорок долларов заработал, хорошо.

Если же без шуток, для меня это был очередной переломный момент, я из юноши переходил в матёрого мужика, болезненно, через разные житейские катаклизмы, имевшие серьёзные последствия. Знаешь, мне обычно неинтересно содержание событий, гораздо важнее внутренние последствия. Как в «Осени патриарха» МАРКЕС рисует абсолютную власть, так и мне захотелось воссоздать совершенно счастливого человека. По всем параметрам абсолютного математически счастливого человека.

— И на экзотическом фоне.

— Да, тут сошлись обстоятельства. Может, отчасти мои книги так хорошо и приняты из-за этой экзотики. Хотя я не следили за литературной конъюнктурой, не понимал, что востребовано.

— Зато какое глубокое знание предмета, мифологии...

— А вот для этого и нужно быть киношником. Нам ещё на первом курсе сказали: «Дети, кино — это картинка». И помимо смысла, который ты в него вкладываешь, ты должен чётко выверять детали, которые будешь использовать. Пусть их будет совсем мало. В этом смысле мир тайги хорош, потому что скуден: лыжи, нарты, чум, лук, пимы — всё. Из зверей мишка, заяка, белочка, россомаха какая-нибудь. Сравни с Маркесом: там ведь буйство всего, это романы человека, живущего в тропиках. Всё квакает, чмякает, друг друга жрёт, вращается, булькает, воняет.

Или великого китайца МО ЯНЯ открой «Большая грудь, широкий зад» — потрясающая вещь, в которой на тебя надвигается гигантская лавина жизни. Всегда что-то происходит, мешаются люди, ослы, тараканы, дети, духи. И происходит всё в реальное время в реальном месте. Я впервые у него увидел, как трагическое одновременно совмещается с комическим. Например, эпизод: китайцы из маленькой деревни, которые всегда видели оккупантов-японцев чистенькими и марширующими, решили, что у тех ноги не гнутся, а гибнуть они должны от дерьма. Поэтому перед тем, как к ним прислали часть японцев, они залили целое поле дерьмом. И описание, как потом этих крестьян казнили.

А тайга в этом смысле, как соборы времён иконоборчества: голая стена и крест.

— Ты сам сколько времени провёл в тайге?

— Нисколько. Вопрос же не в том, где ты был, вопрос в том, куда ты отправляешь человека. Это ведь не приращивание, а человековедение. А моделирование ситуации абсолютно счастливого человека — это обычные нищенские вещи.

— А ты-то можешь быть счастливым?

— Это же состояние. Постоянно пребывать в нём невозможно. Иногда да, я бываю счастлив целую минуту.

Александра КАЗАНЦЕВА

Осторожно: книга!

Разум, Добро ... Именно это в первую очередь мы традиционно вкладываем в понятие «книга». И только немного поразмыслив, вспоминаем, какой разрушительной силой она порой обладает и как пагубно может влиять на неокрепшие умы. Да и на умы, вроде бы вполне окрепшие, тоже.

Каким-то удивительным образом книга способна вызывать из тёмных глубин прошлого или из тягостно-неустроенного настоящего самые чудовищные химеры. Вызывать и без особого труда внедрять их в сознание миллионов, отравляя ложными надеждами, нетерпимостью, а то и откровенной ненавистью и патологической жестокостью. И вот уже человеческая жизнь не стоит ровным счётом ничего. И не только чья-то чужая жизнь, но и своя собственная. Даже инстинкт самосохранения, которому подчинено всё живое, порой не в состоянии сопротивляться командам сознания, заражённого члвконенавистническими идеями.

Как был посеян ветер и выращена буря

Какой силой обладает печатное слово, хорошо известно тем, кому по роду занятий приходится не только постоянно иметь с ним дело, но и наблюдать, во что со временем оно способно обращаться. Недавно вернувшийся в Красноярск после окончания аспирантуры МГУ историк Дмитрий ШУМОВ примеров тому может привести предостаточно. Особенно по актуальной сегодня украинской тематике. Ещё будучи студентом Красноярского педагогического университета он решил провести анализ украинской истории за последние сто лет, взяв для своей дипломной работы тему формирования национальной украинской идентичности.

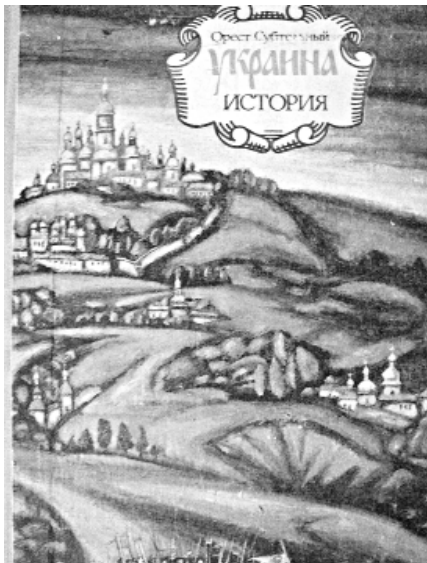
Выбор темы был не случаен — корни у молодого историка украинские, киевские. Бабушка переехала в российский Белгород совсем недавно, так что Киев он посещал довольно часто. И ещё учась в школе, стал собирать коллекцию украинских учебников истории времён «незалежности», так как уже тогда решил связать свою жизнь с этой непредсказуемой наукой. Надо сказать, усилия по сбору коллекции достаточно высоко оценивались его красноярскими друзьями — ребята собирались, читали вслух и хохотали до упаду, удивляясь, что такую ерунду изучают в школе.

Самый первый экспонат, попавший в руки будущего студента-историка, увидел свет в 1994 году. Затем последовали другие, ещё более «весёлые». Настолько весёлые, что заставляли серьёзно задуматься уже состоявшегося студента.

Окончательно Дмитрий определился с темой дипломной работы в 2008 году, когда, в очередной раз приехав в Киев, узнал от своих друзей о совершенно невероятных вещах. Оказывается Сталин, любя русских, решил их спасти, пожертвовав украинцами. На Украине выгребалось всё подчистую, даже арбузы и черешня вагонами шли на Алтай и дальше в Сибирь к великой радости русских. (Странно, что черешня и арбузы моей бабушкой, коренной сибирячкой, в рассказах о годах коллективизации

никогда не упоминались. В отличие от лебеды, которой она с детьми и спасалась.)

По словам Дмитрия, сказки о злых москалях на Украине благоклонно воспринимались не только возвращённым в годы незалежности молодняком, но и старшим поколением. Один ветеран Великой Отечественной войны, ушедший на фронт в шестнадцать лет, даже поведал ему о том, как Красная Армия оккупировала Украину! Вот, оказывается, как это было: гитлеровская Германия захватила Украину и стала ущемлять права украинцев. Потом пришла Красная Армия, и (очевидно, не без помощи шестнадцатилетнего героя) немецкую оккупацию сменила советская. И до самого 1991 года Украина находилась под оккупацией кровавого советского режима. Именно так! О том, что за годы этой самой «оккупации» на Украине были построены мощнейшие промышленные предприятия и созданы крупные научные центры, говорить там сейчас как-то не принято. Тем более не принято вспоминать о легкомысленно щедром подарке 1954 года.

Нельзя сказать, что Дмитрия этот рассказ тогда сильно удивил. Он и раньше прекрасно знал, что далеко не с перестройкой всё это началось. Из рассказов своего деда, бывшего в начале пятидесятых курсантом Киевской военной академии, ему было хорошо известно отношение к «москалям».

Да и как будущий историк Дмитрий уже имел представление о том, откуда взялось и это самое отношение, и так называемое «украинство», истоки которого теряются где-то в XIV–XVI веках, когда литовско-польская элита обеспокоилась намерением русских князей заняться собиранием русских земель. Это беспокойство нашло своё выражение в польской концепции московского государства как территории, заселённой некими «московитами», а вовсе не русскими. Уже в начале XVI века эту концепцию «научно» обосновывает Матвей МЕХОВСКИЙ в своём «Трактате о двух Сарматиях».

В последующие годы и века недостатка в «учёных» книгах не наблюдалось. Их длинную вереницу возглавляют сочинения, подрывающие главную духовную ценность тогдашней Руси — православную веру. Затем следуют «научные труды», изымающие из обращения понятия «Русь» и «русский» и внедряющие новый топоним «Украина», ранее обозначавший окраинные русские земли.

И наконец, повинувшись печально известной логике, появляются книги,

утверждающие превосходство поляков и украинцев над зверско-азиатскими московитами-москалями, никакого отношения к подлинному славянству якобы не имеющими.

Уже к концу XVIII века в рукописном виде появляется анонимный русофобский труд «История русов», состоящий из фальсифицированных исторических фактов и нелепых версий. Тем не менее интерес к нему не угас и к середине следующего века. В 1846 году «История русов» была опубликована и нашла отклик в сердцах части русской интеллигенции.

В 1795 году польский писатель Ян ПОТОЦКИЙ выпустил откровенно пропагандистскую книгу «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах», в которой высказал идею о совершенно самостоятельном происхождении украинцев.

Идею эту подхватил польский историк Тадеуш ЧАЦКИЙ в своей книге 1801 года «О названии «Украина» и зарождении казачества». В ней он уже без лишних сомнений и смущений заявил, что украинцы происходят от неких древних укров, переселившихся в VII веке из-за Волги.

И пошло-поехало. Возникла целая школа писателей и историков, с энтузиазмом взявшихся возводить идейный фундамент так называемого украинства.

Приходило ли в голову этим деятелям, какой кровью в середине XX века и начале века XXI отольются их историко-этнографические фантазии? Скорее всего, нет. Да и не могли их труды напрямую повлиять на умы тысяч, а тем более миллионов без хорошо спланированного продвижения. Чтение даже таких псевдонаучных книг — удел избранных. Другое дело учебники, на которую руку состряпанные на их основе по случаю как снег на голову свалившейся независимости. Уж эти-то книги не только прочтёт, но и изучит каждый, кто озаботится получением документа о среднем и высшем образовании.

Так стоит ли удивляться, когда высокопоставленные чиновники отрешённо от своей подлинной истории государства несут несусветную чушь? На самом деле они говорят только то, что их народ давно готов признать правдой.

По словам Дмитрия Шумова, уже в первом учебнике из его коллекции Великая Отечественная война была заменена на германо-советскую в рамках Второй мировой. При этом во всех подробностях были описаны ужасы «советской оккупации».

Метания из крайности в крайность, или Безуспешные попытки вырваться за идеологические рамки

Модное сегодня переписывание истории вообще и истории Великой Отечественной войны в частности началось далеко не вчера. Более того, и само «написание» истории никогда не шло гладко и осуществлялось как бы параллельно, а то и вовсе разнонаправленно.

Впрочем, такое случается даже в точных науках, где объективность, казалось бы, обусловлена неизменностью законов природы. Чего же ждать от истории, объектом изучения которой являются действия неисчислимого множества не повторяющих друг друга субъектов? Тем более когда и само изучение загнано в жёсткие идеологические рамки. И, как показало время, загнано совершенно независимо от того, в тоталитарной ли среде приходится действовать исследователю, или в самой что ни на есть «либерально-демократической».

Не секрет, что далеко не все источники были доступны нашим историкам в советское время. Возможно, именно эта недоступность после снятия ограничений и повлияла на сложившуюся сегодня ситуацию, создав условия для противоположных научных эмоциональных метаний из одной крайности в другую. Выбранная аспирантом Дмитрием Шумовым тема диссертации, посвящённая подготовке среднего командного состава Красной Армии в предвоенное десятилетие, позволила ему ознакомиться с этими крайностями в полной мере.

Кстати, выбор темы и в этот раз оказался не случаен. Любовь к военной истории ему была с самого детства привита отцом, который давно увлечён военно-исторической реконструкцией. Вот только тема отца — наполеоновские войны, а сыну интересен XX век. Впервые отец взял сына на реконструкцию Бородинской битвы в 2001 году, когда ему было двенадцать лет. «Я был совершенно поражён, всё это увидев — вспоминает Дмитрий. — Тысячи людей, пушечные залпы... Когда вернулся, конечно, тут же собрал друзей и всё им показал. На следующий год и они поехали с нами. И в том же году мы организовали свой клуб реконструкции Второй мировой войны, который действует и сегодня».

Если учесть, что историческая реконструкция подразумевает не только воссоздание предметной составляющей той или иной эпохи, но и имеет целью глубокое её изучение, то трудно назвать более подходящее хобби для историка.

Возвращаясь к выбранной им теме, следует сказать, что в советские годы этот период изучался очень поверхностно. Архивы были закрыты, а из мемуаров многие годы оставались доступными только воспоминания маршалов ЖУКОВА, РОКОССОВСКОГО и ТИМОШЕНКО. Не удивительно, что, как только появилась возможность познакомиться с трудами их оппонентов, представление о той эпохе резко изменилось. Среди изданных тогда книг особенно знаменитой стал «Ледокол» Виктора СУВОРОВА, бывшего сотрудника КГБ, благополучно сбегавшего на Запад незадолго до начала перестройки. В ней автор доказывает, что Германия

в июне 1941 нанесла превентивный удар по Советскому Союзу, так как он сам в июле планировал напасть на Германию.

По замечанию Дмитрия Шумова писать об этом периоде отечественной истории вдруг стало очень модно. При этом авторы (возможно, исходя из сугубо практических соображений) предпочитают держаться поближе к полюсам. Одни утверждают, что армия к тому времени была разгромлена, страна разорена и только что не загублена бездарным руководством кроважанных тиранов. Другие отстаивают иную крайность — благодаря разумной внутренней политике страна совершила невиданный рывок вперёд, а наша армия стала самой лучшей в мире. Ну а поражения начала войны объясняются исключительно внезапностью нападения.

«Я попытался, опираясь на разные источники, разобраться, что же происходило на самом деле, — делится Дмитрий. — Литературы очень много. В книгах советского периода, как правило, написанных в пропагандистском ключе, многое умалчивалось или, наоборот, превозносилось. Были попытки и критического осмысления. В основном их делали военные авторы, которые пытались разобраться в неудачах как профессионалы».

Однако критические направления тогда не приветствовались. В советское время ни одна книга о войне не могла пройти мимо Института военной истории. Всё, что не соответствовало «генеральной линии», беспощадно вырубалось. Но был и некий позитивный момент — не могли увидеть свет книги, написанные всевозможными графоманами и откровенными проходимцами, наполнявшими свои сочинения глупейшими несоответствиями.

К сожалению, удержаться от крайностей после воцарения свободы слова у нас не получилось. «То, что мы видим сейчас, просто невыносимо, — признается Дмитрий. — На полках магазинов лежат книги, очерняющие не только Красную Армию, но и советский народ. Например, вдруг стало модным рассказывать о том, какими плохими солдатами были представители некоторых национальностей. И вообще, утверждать, что только русские воевали, а остальные прятались по подвалам, дезертировали да партизанили в лесах «против всех». Да, на войне много чего было, но когда открываешь списки награждённых, то находишь там героев всех национальностей. Между тем книг, в которых говорится, что победили русские, а остальные только мешали, путаясь под ногами, довольно много. Считаю, что они вообще не должны появляться на прилавках. У нас страна многонациональная, и незачем народ провоцировать».

Увы, этому неприглядному занятию предаются и те, кто претендует на звание беспристрастного учёного. И тому есть причины. Что делать, если тема вдоль и поперёк исследована? Как привлечь к себе внимание? Лучше всего — придумать какую-нибудь альтернативную теорию и творчески подойти к работе с документами. Вырезать из одного часть, поместить её в другой документ и немного пофантазировать, совмещая факты, которые в действительности друг с другом и рядом не стояли. Вот и вырисовывается своя, вполне стройная теория. Читаешь и думаешь: а почему бы и нет? «Таких книг полно на полках в любом магазине, — говорит

Дмитрий. — Авторы известные, малоизвестные, совсем неизвестные. И все они друг другу противоречат».

Как же быть в такой ситуации бедному читателю? За что ухватиться, плывя в этом мутном потоке?

Объективный взгляд с субъективных позиций, или Многогранные поиски правды в условиях свободы

Конечно, в отличие от простого обывателя специалист при отсутствии ангажированности и личной предвзятости вполне в состоянии разобраться — что, почему и зачем. Историков этому учат ни один год. Ведь даже когда приходишь в архив и работаешь с подлинными документами, нельзя быть уверенным, что в них заключена одна только правда. Исследователь должен учитывать, в какое время и в каких обстоятельствах

документ был создан и кем создан. Следует держать в голове биографию этого человека, его политические взгляды и т.д.

Ещё более это актуально для книг, куда первичная информация попадает уже подогнанной под концепцию автора. И уж тем более актуально для мемуаров. Субъективность — главная особенность этого литературного жанра. И главная его ценность. Какая-то часть мемуаров вообще написана авторами исключительно из желания оправдать себя перед самим собой на склоне дней, когда уже ничего изменить нельзя. По-человечески вполне понятное желание. И очень полезное в смысле достижения душевного покоя. Так что цели автора и читателя здесь могут совершенно не совпадать.

Вообще, мемуары читают не для того, чтобы узнать, как в действительности всё происходило, а для понимания, как эту действительность воспринимали очевидцы. Здесь именно субъективность авторов по-

могает понять, почему произошло именно то, что произошло. Ведь такие же, как автор, субъекты и творили эту самую действительность, объективный взгляд на которую мы так стремимся заполучить. Или делаем вид, что стремимся — не так-то просто смотреть объективно с субъективных позиций.

В этом смысле читателю исторической литературы ничего не остаётся, как стать приверженцем той теории, которая ему самому нравится. Но вместе с тем не следует верить всему безоглядно и бросаться в опасные крайности. Мыслящему человеку свойственно сомневаться. Иначе в погоне за правдой можно незаметно для себя оказаться в окружении самых невероятных вымыслов.

«Недавно читал мемуары одного ветерана 14-ой танковой дивизии вермахта, — рассказывает Дмитрий. — Она прошла и по Европе, и по СССР, много чего у нас натворив. Книга написана автором после возвращения из плена и опубликована в 1957 году. Читая её, вдруг ловишь себя на том, что это не мы выиграли войну, и даже не англичане с американцами, а это 14-я дивизия всех победила. Бодро промаршировала до Сталинграда, отбила его у Красной Армии и с победой вернулась в Германию. И на самом деле, если говорить только о победах и аккуратно опускать поражения, то приблизительно так всё и будет выглядеть».

Получается, одни пишут только то, что считают нужным, а другие, читая, видят только то, что хотят видеть. При таком раскладе очень трудно понять прошлое, а значит, и разглядеть в нём зёрна будущего. Особенно когда это будущее выглядит совсем не радужным, а потому не вызывает желания себя разглядывать.

В своё время дипломник Дмитрий Шумов на защите заявил, что Украина с теми противоречиями, какие в ней есть, как государство развалится в ближайшие годы. И получил от одного входящего в комиссию политолога жёсткое заключение, что его исследования — полная ерунда. Было сказано, что Украина — европейская держава и существует вот уже двадцать лет... Удивительное замечание. Двадцать лет для государства — это даже не младенческий возраст, если проводить аналогию с человеческой жизнью. Это мгновения, когда услышав первый крик новорожденного, свидетели свершившегося облегченно вздыхают: «Ну, вроде жив». И это «вроде» далеко не сразу обращается в уверенность.

Справедливости ради следует отметить, что нашлись люди, которые отнеслись к дипломному исследованию Дмитрия с интересом и пониманием. И посоветовали продолжить образование в аспирантуре. Более того, познакомили с представителями украинской диаспоры, которые полностью согласились со сделанными в дипломной работе выводами. Так что и простые люди порой видят дальше политологов.

Для этого при общении с книгой, помимо прочего, очень полезно уметь читать между строк. Быть внимательным и избегать как преубеждений, так и соблазнов увериться в желаемом. И не забывать Декарта, который советовал в поисках истины всё подвергать сомнению. Только тогда общение с любой, даже самой зловредной книгой не причинит вреда.

Пять процентов

Мы все — читатели разного уровня. Свой я оцениваю как «отличаю хорошую книгу от плохой». Это как в музыке: фальшивую мелодию слышишь сразу, но ни за что не назовёшь, какой аккорд прозвучал. У Григория Борисовича КОФМАНА, кандидата физико-математических наук, в литературе, на мой взгляд, — абсолютный слух. Хотя и далеко не со всеми оценками, которые он давал книгам и писателям во время нашего разговора, я согласна. Или пора переслушать?

— Григорий Борисович, что вы читаете сейчас?

— Во-первых, Всеволода ОВЧИННИКОВА. Помните его «Ветку сакуры» и «Корни дуба»? Книга называется «Два лица Востока». Купил её на распродаже, недавно ликвидировались два книжных магазина. Кстати, вы в таких забегах участвовали?

— Нет. Покупаю только детские книги, а для себя читаю всё в электронном виде.

— Я тоже себя уговариваю, что это вполне заменяемо, тем более что можно скачать что угодно. К тому же бумажные книги стоят дорого. Но на распродаже некоторые продавались за 10% прежней цены. Удержаться было невозможно.

Так вот. Купленный там Овчинников мне очень нравится, хотя местами уж очень чувствуется спецкор «Правды», не скрывающий своих симпатий к компартии Китая, например.

Часто читаю несколько книг об одном и том же, но пока соизмеримой книжки-компаньона про Китай не нашёл.

Параллельно читаю разные мемуары про науку.

— Под настроение?

— Нет, по другому принципу, фрагментарно, чтобы переваривались. Читаешь кусок, потом ждешь, пока он отлежится. «Запойный» вариант, когда дочитываешь книгу до конца, — это скорее для детективов, которые я не читаю уже очень давно.

— А художественную литературу читаете?

— Это сложный вопрос. Всё зависит от того, что ею считать. Думаю, любимый мною Александр ГЕНИС — это настоящая художественная литература. Например, его «Колобок» о кулинарии разных стран куда более художественен, чем многое другое.

Но если вы спрашиваете, читаю ли я современных авторов, мейнстрим, то отвечаю: нет.

— То есть вообще.

— Вообще.

— А, к примеру, Владимира СОРОКИНА?

— Ужас.

— А на мой взгляд, он классик. Просто занят разными играми...

— То, что он занимается играми, это бесспорно, вопрос в том — какими. С моей точки зрения, в его книгах нет глубины. Всё очень поверхностно, построено на внешних эффектах. А если они не очень удаются, используется ненормативная лексика, чтобы как-то приправить текст. Когда такие слова есть у Юза АЛЕШКОВСКОГО, это тоже мне не нравится, но там всё выглядит гораздо более органично. А у Сорокина... Словом, от его книг у меня нет ощущения органичности.

— А к Людмиле УЛИЦКОЙ как относитесь?

— Она, на мой взгляд, вторична.

— Кто тогда первичен?

— Если иметь в виду «еврейское казачество», то Исаак БАБЕЛЬ, Михаил ЖВАНЕЦКИЙ, Эфраим СЕВЕЛА, Игорь ГУБЕРМАН (проза), а если «женский взгляд», то Ирина ГРЕКОВА, возможно, Виктория ТОКАРЕВА. Но Улицкую хотя бы можно читать, в отличие от Сорокина.

— И всё-таки, почему вы не читаете художественных книг в общепринятом понимании?

— Во-первых, книги читают для того, чтобы возникал некий внутренний резонанс. По-видимому, с возрастом возможности для такого резонанса сужаются, человек отзывается только на знакомые вещи, с новыми сложнее. По этой же причине люди друзей заводят в молодости и редко сходятся в зрелом возрасте.

Мирок, который человек сам себе выстраивает, с годами становится всё более замкнутым и глухим. Есть потрясающий пример из биографии Чарльза ДАРВИНА. Дарвин попытался описать своё интеллектуальное и эмоциональное угасание в последние годы жизни. Он пишет, что с определённого возраста ему перестала нравиться проза. Затем поэзия. Последним, что осталось, была музыка.

Что касается меня, то есть набор книг, резонанс от которых мне точно известен. Я точно знаю, когда, в каком настроении мне захочется перечитать «Жизнь Арсеньева» Ивана БУНИНА. Или, скажем, при ощущении тоски и безысходности я буду перечитывать «Солнце мёртвых» Ивана ШМЕЛЁВА, потому что, с моей точки зрения, более сильного выражения именно этого состояния в литературе нет.

А пытаться найти резонанс с чем-то новым... Зачем рисковать?

— У меня, напротив, в разное время от одного и того же произведения разные ощущения. Когда я читала «Сто лет одиночества» лет в 18, мне роман показался очень радостным. А лет пять назад перечитала — такая тоскливая книга.

— Да, эффект такой бывает, в разные времена в разном возрасте видны свои оттенки. Но некое ощущение в целом, по-моему, сохраняется. Хотя переход от очень радостной к очень тоскливой — это уже чересчур.

— Что ещё перечитываете?

— Много. Очень нравится Андрей ПЛАТОНОВ. Читаю его, когда хочется просто получить удовольствие от необычного языка, точности и своеобразия формулировок.

Читаю стихи, разумеется. Они и существуют для того, чтобы их перечитывали.

— Какие именно?

— Отвечу (но не потому, что хочу казаться умнее, чем есть): Иосифа БРОДСКОГО. Я его долго не понимал, поскольку надо многое знать, чтобы откликаться на его стихи.

Со стихами всё сложно. Есть строчки, которые врезаются в память. «Орден осени, ржавый лист, силой ветра к груди приклеен». Это Эдуард БАГРИЦКИЙ, но то, что фраза запомнилась, не значит, что я буду перечитывать Багрицкого.

В значительной степени перечитывание стихов для меня заменяется более лёгким вариантом — бардовской песней. Слушаю Александра ГАЛИЧА, Булата ОКУДЖАВУ.

Кстати, книги вне распродаж я стараюсь покупать только те, которые потом откроешь не один раз. Одно-разовое вообще правильнее читать в электронном варианте.

— И какую книгу вы в последний раз покупали не на распродаже?

— Книгу о Григории ПЕРЕЛЬМАНЕ Маши ГЕССЕН «Совершенная строгость». Во-первых, просто потому, что это очень незаурядный человек. А во-вторых, автор, по моим представлениям, должна была написать адекватно. И надежды оправдались. Также недавно приобрёл книгу Ричарда ФЕЙМАНА «Радость познания» — сборник статей и эссе, которые раньше на русский не переводились. Это по-настоящему интересно, и то, и другое — из первого ряда. Были бы эти книги дороже, все равно бы их купил.

— А был у вас период увлечения «низким жанром»? Что вы вообще думаете по этому поводу?

— Если иметь в виду детективы, то, конечно, я читал их в детстве. Лирическим героем был сержант Карачупа со своей собакой Ингус, куда деваться. Читал «Над Тиссой», «Граница не знает покоя»... Эти книги выходили в серии, которая не могла не заинтересовать детей, — «Мир приключений». Но в детстве нормально такое читать, важно, чтобы подобный выбор не остался навсегда.

— У меня есть знакомая, учительница литературы, которая перестала читать что-либо, кроме женских детективов, утверждая, что современная серьёзная литература — это заумь и бесталанные потуги, а книги Александры МАРИНИНОЙ, Татьяны УСТИНОВОЙ, Полины ДАШКОВОЙ стоят на уровне мировой классики. Это читательское пресыщение или деградация?

— Я пробовал читать Маринину, когда все восторгалась ею. В поезде, когда часто ездил в Новосибирск. Но быстро бросил, книги раздарил.

Поражает не то, что многие читают такое — понятно, что люди разные, им нравится разная еда, они по-разному проводят время. Поражает, когда это пытаются как-то объяснить. Мол, ничего другого, пригодного для чтения, нет. Это, мягко говоря, неверная точка зрения. Она свидетельствует о том, что человек, в общем-то, ничего в книгах не понимает.

— Но, может, лучше читать хоть что-то, чем вообще ничего?

— Не знаю. В каком-то смысле лучше не читать. Тогда есть слабая надежда, что когда-нибудь начнёте с приличных книг.

— Сколько вам было лет, когда вы приобщились к чтению?

— Я не очень хорошо помню. Дома всегда было много книг, и родители, следя за тем, чтобы я не перепутал «Тихий Дон» с «Дон Кихотом», лет в пять записали меня в библиотеку. Заведующая была хорошей знакомой нашей семьи и лично руководила выбором книг для моего чтения.

Читал я много, запоем, приобрёл очки ещё в детском возрасте. Не могу сказать, что это было какое-то сознательное чтение. Как все дети, читал просто так. Тут дело в пропорции: одни больше бегают на улице, другие больше читают, а потом это уже оформляется во что-то другое.

— А потом кто-то влиял на ваше чтение?

— Я очень прислушивался к тому, какие книжки советовал мне читать отец. Не всегда связанные с наукой, были среди них и художественные. Но я тщательно игнорировал то, что давали читать на уроках литературы. Разница между процессом школьного обучения и получением удовольствия от чтения книг настолько велика, что навсегда отталкивает от книг, входящих в школьную программу.

— Вообще-то набор книг в ней хороший.

— Да. Но методика преподавания литературы неправильная. Похоже, учителя сами никакого удовольствия от этих книг не получают и всерьёз думают, что их надо изучать.

Дело не в том, какие книги входят в программу. Дело в том, чтобы детям было с кем по-настоящему их обсуждать, чтобы они внутренне понимали и чувствовали: этот учитель действительно любит книги, ему интересно. Тогда возникает обучение на собственном примере.

При преподавании литературы не возникает естественная среда для чтения и получения удовольствия от него, а лишь происходит раскладывание по полочкам, неизвестно кем придуманным, что отбивает охоту читать у многих людей навсегда.

— Ну, тогда надежды вообще никакой. Сейчас в школу идут дети, родители которых уже не читают книг. Почему цивилизация так легко перешла от чтения к «смотрению»? Что будет дальше с чтением, книгами, на ваш взгляд?

— Я могу судить по студентам: сейчас совершенно исчезло это важное качество — знать что-нибудь, потому что это интересно и приятно, получать знания впрок, не думая, пригодятся они или нет. Сегодня человек понимает: он может получить ответ на любой вопрос двумя щелчками мышки. Скорость получения ответа при этом соизмерима со скоростью, с которой он его забывает.

Набор знаний, который должен появляться у человека и влиять на его жизнь, не появляется. И главное, исчезает потребность в них, это самое плохое.

Но при всём этом всегда будет оставаться какая-то часть людей, которые живут по старинке. Первыми это почувствовали фантасты. Есть много вариаций на эту тему, скажем, у Роберта ШЕКЛИ. Доля тех, кто тянется к знаниям, не меняется. Любознательных примерно 5 процентов.

— Но в советское время таких людей было определённее больше, люди больше читали. В моём детстве даже троечники бегали в читальный зал после уроков.

— Думаю, это в значительной степени миф. Да, бегали. Но, во-первых, не было никаких альтернатив. Во-вторых, часто это был силовой вариант, почти обязательная явка. Человек меняется очень мало. При любом строе есть некоторое количество людей, для которых чтение действительно важно. И есть те, кто при воз-

возможности выбора предпочтут книгам другие занятия.

Сейчас просто стало больше альтернатив. Появилось много личных автомобилей, дач и загородных домов, возможности поехать куда-то даже на пару дней. Центры, в которых можно провести целый день.

Но вот если взять набор доступных книг, то раньше он был гораздо меньше, чем сейчас. И с этой точки зрения есть прогресс. Линейка расширилась в обе стороны, и в хорошую, и в плохую. И у тех, кого интересуют настоящие вещи, гораздо больше возможностей.

— Это звучит утешительно. А есть круг авторов, за которыми вы следите?

— «Следите» — слишком сильно сказано. Не слежу. Но если увижу новую нехудожественную книжку Дмитрия БЫКОВА, я её, по крайней мере, посмотрю. Если увижу книгу Александра ЧУДАКОВА, то куплю её — после того, как прочитал «Ложится мгла на старые ступени». Книгу Чудакова о Чехове я купил, поскольку уже знал, что плохо он написать не может. Вот такие критерии. А следить, искать специально... Есть такой закон: книга, которую ты хочешь прочитать, рано или поздно попадёт тебе в руки. Сегодня у меня нет книг, которые я хотел бы иметь и не купил бы за последние 50 лет.

— Что бы вы посоветовали человеку, который хочет стать читателем?

— Есть гораздо более авторитетные советчики, чем я. Например, замечательная «Книга не для взрослых» Маризитты ЧУДАКОВОЙ. Там она приводит список книг, которые ребёнок должен обязательно прочитать в определённом возрасте, иначе будет поздно. И я вряд ли взялся бы его дополнять. Думаю, существуют подобного рода книги и для взрослых, только я убрал бы слово «обязательно».

Из публицистики, я думаю, стоит читать Александра МИНКИНА. Мне кажется, это лучшее на сегодня сочетание глубины и объективности.

У текстов существует такая особенность. Как пишет плохой писатель? Он рассказывает, как плохо, горестно и печально его герою, и вот этот герой подходит к окну и видит там одинокое согнувшееся дерево и так далее. А хороший писатель не скажет, что чувствует герой. Он опишет вид из окна — и станет понятно, какие эмоции испытывает человек, который в окно смотрит. Это в каком-то смысле высший пилотаж. Мне кажется, надо читать именно такие книги.

Ещё тут очень важен уровень личности.

— Но по-настоящему великие книги великие для всех.

— Я имею в виду, что великие книги пишут великие люди. Бывает, конечно, что книги значительно лучше авторов, и примеров таких немало. Человек далеко не всегда сам является воплощением того, о чём он пишет, но всё равно он должен быть незаурядной личностью. Тогда незаурядной будет и книга. Поскольку таких людей немного, то и хороших книг немного тоже. Но в конце концов их можно найти, а вот что кому читать, зависит от разных вещей. Например, ты понимаешь, что это серьёзно и глубоко, но оно не твоё. Но важно, чтобы это были книги из первого ряда. Те, что я называю личными.

— Кто из русских классиков для вас в этом списке?

— Наверное, я должен был бы

сказать ПУШКИН, ТОЛСТОЙ, ДОСТОЕВСКИЙ. Но не скажу. Если иметь в виду, например, Льва Толстого, то, с моей точки зрения, лучшее у него «Исповедь» и «Во что я верю», которые издавались всего дважды, в 1906-м и в 90-е под шумок, когда в перестройку выпускалось всё, что не печаталось никогда. Ещё «Крейцера соната». И рассказ «Холстомер», особенно после спектакля БДТ. Казалось бы, там корявый язык, длинные несуразные фразы — но ты веришь, что лошадь действительно думает так. Это гораздо более убедительно, чем у Эрнеста СЕТОНА-ТОМПСОНА, который считается классиком литературы о природе и который от первого лица сообщает, о чём думает медведь или лиса. Холстомеру веришь больше.

Но вообще я в смысле классики плохой пример. К истокам не припадаю.

— А Виктора АСТАФЬЕВА читаете?

— Да, он мне очень нравится. «Царь-рыба», сборник «Конь с розовой гривой». С точки зрения того, каким языком, с какой искренностью и силой это написано, веришь ему безоговорочно. Но мне не нравится, когда он начинает рассуждать на общечеловеческие темы. Когда Астафьев пишет художественно, он умеет в силу таланта удержаться на той грани, которая не позволяет перейти определённую границу. И наоборот. Этот переход вызывает очень сильные эмоции.

Кстати, такое же есть у многих авторов «деревенской прозы».

У Астафьева «Прокляты и убиты» нравится мне меньше, чем рассказы.

— Какие книги о войне, по-вашему, стоит читать? Мемуары?

— К сожалению, с мемуарами всё плохо, потому что вряд ли в какой-либо области было столько псевдообъективных книг, особенно в 70-е годы. Их читать не стоит, хотя я, к сожалению, потратил на это много времени.

Мне кажется, о войне надо читать Василя БЫКОВА, Виктора НЕКРАСОВА, Григория БАКЛАНОВА, Вячеслава КОНДРАТЬЕВА. Бориса ВАСИЛЬЕВА, Даниила ГРАНИНА, некоторые ранние вещи Юрия БОНДАРЕВА — до того, как у него появилось ощущение генерала советской литературы. Очень важные строки есть у Констан-

тина СИМОНОВА. Разные писатели пытались выразить словами то, как будут себя чувствовать люди, когда кончится война. Точнее всех, мне кажется, это сделал Симонов в «Записках Лопатина». Всё уместилось в два предложения. «Людам казалось, что наступила вечная жизнь. Особенно первые дни». По-моему, это очень сильно сказано.

В общем, о войне надо читать лейтенантскую прозу. В ней правда, мне так кажется.

— Вы с кем-нибудь обсуждаете прочитанное?

— Для меня гораздо более привычная форма спорить.

— Есть ли современные писатели, с кем вы хотели бы познакомиться и поговорить?

— Помните повесть о настоящем человеке Остапе Бендере? Пикейные жилеты обсуждают политические проблемы. Один из них говорит: Черчилль — это голова, я бы ему палец в рот не положил. Тут следует едкое замечание другого «жилета»: еще неизвестно, согласился бы Черчилль взять твой грязный палец себе в рот.

Если вспомнить тех, кого называют современными писателями, кто на слуху, — Захара ПРИЛЕПИНА, Сергея ШАРГУНОВА, Виктора ПЕЛЕВИНА, — то я их не знаю и не думаю, что нам было бы интересно о чём-нибудь разговаривать друг с другом. Не решусь сказать, что мне интересно поговорить с Фазилем ИСКАНДЕРОМ, это было бы слишком большой наглостью с моей стороны. Думаю, Исхандер из тех, кто останется всерьёз.

Мне было бы очень интересно, хотя опять же помню про грязный палец, поговорить с Генисом, и я думаю, интерес был бы обоюдным. Очень важным указателем для меня в своё время была передача «Школа зловония», на которую приглашали писателей. Из неё я понял, что Алексея ИВАНОВА мне читать не стоит. Это не означает, что он плохой писатель...

— А Пелевин, на ваш взгляд, какой писатель?

— Мне кажется, там, как и у Сорокина, нет глубины, всё построено на внешних эффектах. В «Чапаеве и пустоте» я вижу больше пустоты. «Дженерейшн П» и «Поколение Ж», «G» и «П» на одной клавише, — тоже эффект, в которых он мастак. Может,

я слишком мало его читал или начал не в том настроении. Но удовольствия от его книг не испытываю.

— Сколько вы читаете каждый день?

— Для развлечения пару часов в день далеко не всегда получается почитать. А работа состоит главным образом из чтения, правда, специальных текстов.

— А если есть альтернатива, электронная или бумажная книга, какую выберете?

— Плюсы есть в обоих вариантах. Единственное: мне кажется, гаджеты накладывают определённый отпечаток на процесс чтения. Сначала у человека должно сформироваться отношение к книге как к книге, и уже потом хорошо использовать разные технические возможности.

— Никогда не хотелось писать?

— Нет. Для себя человек может писать всё, что хочет. Но чтобы писать для других, надо быть уверенным — то, что ты хочешь сказать, можешь сказать только ты. По поводу своей монографии «Рост и форма деревьев» я тешу себя надеждой, что это мог сказать только я. Но если писать об общечеловеческом, то, несомненно, есть те, кто скажет это лучше.

— Но есть ещё и уникальный жизненный опыт.

— Есть такой хороший лозунг: если есть что сказать, лучше промолчать. Мне кажется, очень многие пишут, потому что им сказать нечего.

— Сейчас такое время, когда каждый писатель. В соцсетях.

— Это и есть главная привлекательная сторона современных технологий, когда человек может чувствовать себя писателем, выдаёт себя за того, кем он хотел бы быть, и в этом облике общается с людьми, которые его никогда не увидят. Некий набор иллюзий, к которому люди прибегают, потому что недовольны своей настоящей жизнью. Они пишут, потому что того требует технология. Если бы надо было говорить или рисовать, они бы говорили или рисовали.

А ещё я не пишу, потому что очень трудно отделаться от чувства, что всё умное уже сказали те, кто достиг вершин мастерства. Но есть и альтернативная точка зрения на это. Знаете историю о том, как Бунин пришёл к ЧЕХОВУ, чтобы спросить, надо ли ему становиться писателем? Имеет ли смысл писать, если есть в литературе Достоевский, Толстой, Тургенев и сам Чехов... На это живой классик ему ответил: на свете есть большие собаки и есть маленькие. И маленькие должны лаять в присутствии больших только потому, что они тоже собаки.

Это очень правильно сказано и слегка воодушевляет. Но подтверждает в то же время и другой вывод: на лай маленькой собаки в присутствии больших обращать внимание никто не будет.

Татьяна АЛЁШИНА

P.S.

Оценки Григория Борисовича почти ни разу не совпали с мнением редакции (пожалуй, кроме В. Сорокина), что даже удивительно. Тем не менее нам важно было найти настоящего читателя, всю жизнь не расставаящегося с книгой (без читателя, ради которого и пишут авторы, обсуждают тему было бы странно). Ещё хотелось обозначить круг чтения отечественного интеллектуала, не заикленного на сугубо профессиональных темах. А разные оценки — что ж, лишний повод дать себе отчёт в собственных предпочтениях. — Редактор В. Ефанова.

Книга святого Луки,

Предисловие

В 2002 году в школе №10 Центрального района Красноярска, где во время Великой Отечественной войны в эвакуогоспитале жил и оперировал Валентин Феликсович ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ, открывали музей легендарного хирурга и архиепископа. В ожидании прибытия владыки Антония шумная толпа учеников в парадной форме вышла на улицу. Прохожие стали интересоваться, что происходит? Услышав имя Войно-Ясенецкого, люди, как писала «Красноярская газета», с удивлением переспрашивали: кто это?

В школьном музее помимо иконы Святителя Луки выставлены личные вещи и некоторые труды профессора, хирургические инструменты, благодаря которым спасены тысячи людей...

«Если станете описывать мою жизнь, не пробуйте разделять хирурга и епископа», — просил Валентин Феликсович при жизни. И талантливый красноярский скульптор, заслуженный деятель искусств России, профессор Борис МУСАТ исполнил это желание. Памятник по его проекту установлен в сквере архиерейского дома на углу проспекта Мира и улицы Горького. Святой Лука Войно-Ясенецкий здесь изображён в рясе, в спокойной, статичной позе мыслителя. Сделан акцент на руки — характерный жест хирурга. И ещё деталь: если подойти к памятнику сбоку — видна телогрейка ээка. Валентин Феликсович был узником сталинских лагерей и... лауреатом Сталинской премии за книгу «Очерки гнойной хирургии».

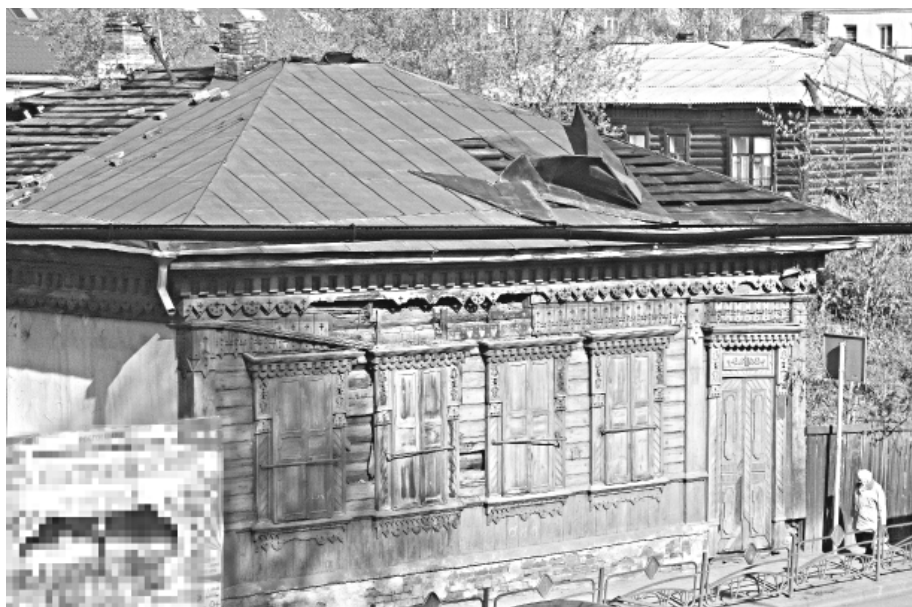
Библия для хирургов

Фундаментальный труд Войно-Ясенецкого «Очерки гнойной хирургии», выдержав пять изданий, и сегодня претендует на роль учебника для начинающих врачей, справочно-пособия для профессионалов. Специалисты считают, что здесь много идей и материала для дискуссий.

— Очерки впервые увидели свет в 1934 году. С тех пор это настольная книга хирурга, — подтверждает д.м.н., профессор, заведующий кафедрой общей хирургии Красноярского медуниверситета, заслуженный врач РФ, академик РАЕН Юрий ВИННИК. — К монографии могут обращаться нейрохирурги, офтальмологи, стоматологи, урологи и представители других специальностей, потому что это энциклопедия хирургического лечения гнойных заболеваний практически всех локализаций. И я пользовался ею, когда собирал материал для своей кандидатской диссертации по гнойным ранам и отморожениям. В книге описано подробно более 370 историй болезней! За свою жизнь Войно-Ясенецкий написал более 50 научных работ по хирургии и анатомии и множество проповедей. Но одним из главных его научных достижений стал труд «Очерки гнойной хирургии».

— Книга позволила нам тактически определиться с подходом к гнойной хирургии, с подходом к больному, — говорит заведующая урологическим отделением Красноярского краевого госпиталя для ветеранов войн Татьяна БУРГАНОВА. — Я уже 44 года оперирую, и у меня эта книга всегда под рукой, всегда на видном месте.

— Как правильно вскрывать гнойники мягких тканей, как должен быть разрез по направлению, длине, глубине, нужны ли дополнительные разрезы — ответы на все эти вопросы даёт книга... До сих пор она может быть использована как руководство

Дом в Красноярске, где некоторое время жил архиепископ Лука

к действию, — считает корифей красноярской хирургии, д.м.н., профессор, создатель и первый руководитель межобластного центра детской хирургии в Красноярске, заслуженный врач РФ Валентина КРАСОВСКАЯ. — Войно-Ясенецкий так интересно написал свой труд, что я читала эту книгу как художественную. Многие описанные им методы применяются до сих пор.

— Когда читаешь обычный учебник, монографию, то просто берёшь оттуда информацию, а в «Очерках...» описан конкретный пациент, его жизнь — это всегда совершенно по-другому воспринимается, — делится представитель молодого поколения хирургов, д.м.н., Надежда МАРКЕЛОВА. — Очень многие методики Валентин Феликсович разработал лично. Это доступы к суставам, определённая техника вскрытия гнойников различной локализации и т.д. Если брать область военно-полевой хирургии — это методологии ведения больных с огнестрельными ранениями, с перитонитом. Вся книга, по сути дела, его новаторство — то, что он сам увидел, доказал и описал. Он заметил, что раневой процесс течёт по-разному и предположил, что возбудители раневой инфекции тоже могут быть различными. Таким образом, предвосхитил появление микробиологии.

— В 10-й школе во время войны доктор-священник жил в тесной комнатке под лестницей, оперировал по 10—12 часов. Очень тяжёлые были больные — запущенные, с остеомиелитами, гнойными ранами. И он справлялся без антибиотиков и хороших антисептиков, только благодаря своему уму и рукам. У хирургов, есть тонкости всякие, а Валентин Феликсович был очень хорошим анатомом, до ссылки в Сибирь заведовал кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии, — добавляет профессор Винник. — Мало того что книга читается, как роман, так она ещё снабжена авторскими рисунками. Этот талантливый человек вполне мог стать и великим художником...

Дар живописца

«С детства у меня была страсть к рисованию, и одновременно с гимназией я окончил Киевскую художественную школу, в которой проявил немалые художественные способности, участвовал в одной из передвижных выставок небольшой картинкой, изображавшей старика-нищего, стоящего с протянутой рукой. Влечение к живописи у меня было настолько

сильным, что по окончании гимназии решил поступать в Петербургскую Академию художеств» (из автобиографии святителя-хирурга).

Автор книги «Очерки гнойной хирургии» признавался, что мог бы пойти по дороге ВАСНЕЦОВА и НЕСТЕРОВА. Где бы он ни был — на улице, в трамвае, на базаре — везде наблюдал жизнь: «все ярко выраженные черты лиц, фигур, движений и по возвращении домой всё это зарисовывал. На выставке в Киевской художественной школе получил премию за эти свои наброски».

Что же помешало стать великим художником? Как пишет сам Войно-Ясенецкий, во время вступительных экзаменов в Петербургскую Академию художеств им овладело тяжёлое раздумье о том, правильный ли жизненный путь он выбирает: «Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей».

Учась на третьем курсе медицинского факультета, Войно-Ясенецкий увлёкся изучением операций на трупах. «Произошла интересная эволюция моих способностей: умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии...».

Невозможно исцелить тело, не исцелив душу...

«С самого начала своей хирургической деятельности в Чите, Любаже и Романовке я ясно понял, как огромно значение гнойной хирургии и как мало знаний о ней вынес я из университета, — вспоминал хирург и архиепископ Лука. — Я поставил своей задачей глубокое самостоятельное изучение диагностики и терапии гнойных заболеваний. В конце моего пребывания в Переславле пришлось мне на мысль изложить свой опыт в особой книге — «Очерки гнойной хирургии». Я составил план этой книги и написал предисловие к ней. И тогда,

к моему удивлению, у меня появилась крайне странная неотвязная мысль: «Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа».

Через несколько лет эта мысль станет реальностью.

— Очевидцы рассказывали, что перед операцией он всегда молитву читал. Когда операционное поле обрабатывал, рисовал йодом крест, — вспоминает Юрий Семёнович Винник. — А знаете, почему наш вуз назван его именем? Он ведь студентам лекции читал, и они помогали врачам в госпиталях. Например, известный красноярский нейрохирург, профессор Нина Семёновна ДРАЛЮК, недавно ушедшая из жизни, в годы Великой Отечественной войны работала рядом с Валентином Феликсовичем в госпитале санитаркой.

Запрет на веру

Войно-Ясенецкий не переставал писать свои «Очерки...» и будучи главным врачом ташкентской больницы, и позже, находясь в тюрьме за свои религиозные взгляды, и в сибирской ссылке. В Ташкенте, когда ему оставалось закончить последний очерк первого выпуска — «О гнойном воспалении среднего уха и осложнениях его», начальник тюремного отделения разрешил работать в его кабинете по вечерам.

В автобиографической книге «Я полюбил страдание...» сказано, что, прежде чем владыка Лука был отправлен в ссылку, он успел обратиться к наркому просвещения А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ, ведавшему также наукой и делами издательскими. Заключённый профессор просил у наркома, чтобы тот разрешил ему указать на обложке будущей монографии не только фамилию, но и духовный сан. Луначарский решительно отказал, мол, советское государственное издательство не может выпускать книг епископа Луки. Историки свидетельствуют, что отпечатанный на машинке ответ наркома Войно-Ясенецкий показывал позднее студенту-медику Ф.И. НАКЛАДОВУ.

После первой ссылки Валентина Феликсовича вышло первое и далеко не полное издание очерков. Имя епископа там упомянуто не было.

Интерес к гуманитарным наукам и, в частности к богословию, у Войно-Ясенецкого проявился ещё во время обучения на юридическом факультете. Тогда он уехал в Мюнхен, чтобы обучаться живописи у профессора Книрр, но вскоре затосковал и вернулся домой. В своих воспоминаниях он писал, как после возвращения на родину часто ездил в Киево-Печерскую Лавру, бывал в киевских храмах, делал зарисовки, наброски и эскизы Богомольцев...

В 1920 году на одном из церковных съездов ему было поручено сделать доклад о современном положении в Ташкентской епархии. Вдохновлённый речью Войно-Ясенецкого епископ Ташкентский Иннокентий сказал пророческие слова: «Доктора, вам надо быть священником...». В 1923 году учёный-хирург был рукоположен в епископы.

Священник со скальпелем

Середина 30-х годов... Уехав в Ташкент, Войно-Ясенецкий стал заведовать отделением гнойной хирургии на 25 коек при городской клинической больнице. Однако ему самому понадобилась операция на глазах. Пришлось ехать в Москву, в клинику к профессору ОДИНЦОВУ.

профессора хирургии

Из мемуаров владыки: «... Я лежал с завязанными глазами после операции, и поздно вечером меня опять внезапно охватило страстное желание продолжать работу по гнойной хирургии. Я обдумывал, как снова написать наркомму здравоохранения, и с этими мыслями заснул. Спасая меня, Господь Бог послал мне совершенно необыкновенный вещий сон, который я помню с совершенной ясностью и теперь, через много лет».

А снилось Валентину Феликсовичу, что он находится в маленькой пустой церкви, где ярко освещён только алтарь. Неподалёку у стены стоит рака какого-то преподобного, закрытая тяжёлой деревянной крышкой. В алтаре на престоле — широкая доска, и на ней лежит голый человеческий труп. Вокруг престола стоят студенты и врачи, курят папиросы, а он, профессор, читает им лекции по анатомии. Вдруг раздаётся тяжёлый стук, и он, обернувшись, видит, что упала крышка, преподобный сел в гробу и смотрит на него с немым укором.

«Непостижимо для меня, что этот страшный сон не образумил меня. По выписке из клиники я вернулся в Ташкент и ещё два года продолжал работу в гнойнохирургическом отделении, работу, которая нередко была связана с необходимостью производить исследования на трупах. И не раз мне приходила мысль о недопустимости такой работы для епископа. Более двух лет ещё я продолжал эту работу и не мог оторваться от неё, потому что она давала мне одно за другим очень важные научные открытия, и собранные в гнойном отделении наблюдения составили впоследствии важнейшую основу для написания моей книги «Очерки гнойной хирургии».

В своих покаянных молитвах я усердно просил у Бога прощения за это двухлетнее продолжение работы по хирургии, но однажды моя молитва была остановлена голосом из неземного мира: «В этом не кайся!». И я понял, что «Очерки гнойной хирургии» были угодны Богу, ибо в огромной степени увеличили силу и значение моего исповедания имени Христова в разгар антирелигиозной пропаганды».

Книга написана с большой любовью к страдающему человеку и к читателю. Вот только один фрагмент.

«Приступая к операции, надо иметь в виду не только брюшную полость, а всего больного человека, который, к сожалению, так часто у врачей именуется «случаем».

Человек в смертельной тоске и страхе, сердце у него трепещет не только в прямом, но и в переносном смысле. Поэтому не только выполните весьма важную задачу подкрепить сердце камфарой или дигаленом, но позаботьтесь о том, чтобы избавить его от тяжёлой психологической травмы: вида операционного стола, разложенных инструментов, людей в белых халатах, масках, резиновых перчатках — усыпите его вне операционной. Позаботьтесь о согревании его во время операции, ибо это чрезвычайно важно».

Последняя глава

Профессор был трижды репрессирован, дважды отбывал ссылку в Красноярском крае. В Енисейском крае

ведческом музее хранится справка от 7 апреля 2000 г. о его реабилитации. Профессор Ташкентского госуниверситета и заведующий хирургическим отделением городской больницы был арестован 10 июня 1923 г. и осуждён 26 октября 1923 г. комиссией НКВД по административным высылкам. В графе «Квалификация содеянного и мера наказания» отмечено: «По ст.ст. 70, 72 и 73 УК РСФСР (в редакции 1922 г.) выслан в Сибирь». Дата освобождения — январь 1926 г.

По дороге в Енисейск, остановившись на ночлег, Валентин Феликсович прооперировал крестьянина лет тридцати. Из мемуаров: «После тяжёлого остеомиелита (гнойное воспаление костного вещества), никем не леченного, у него торчала из зияющей раны в дельтовидной области вся верхняя треть и головка плечевой кости. Нечем было перевязать его, и рубаха, и постель его всегда были залиты гноем. Я попросил найти слесарные щипцы и ими без всякого затруднения вытащил огромный секвестр».

По свидетельству жительницы Енисейска, Владыка Лука якобы пересадил почки телёнка умирающему мужчине, после чего больному стало легче. Но эта информация не подтверждена официально. В 1924 году Луку отправили под конвоем в Енисейский район, в деревню Хая на реке Чуне. Дальше последовали Туруханск, деревня Плахино за Полярным кругом и вновь Туруханск.

Экспозиция в музее Енисейска
Памятник архиепископу

В другой раз — с 1939 по 1941 год — владыка отбывал ссылку в селе Большая Мурта Красноярского края. И вновь обратимся к его мемуарам: «Мне прислали очень много историй болезней из гнойного отделения ташкентской больницы, и я имел возможность благодаря этому написать много глав своей книги... Неожиданно вызвали меня в муртинское ГПУ и, к моему удивлению, объявили, что мне разрешено ехать в Томск для работы в тамошней очень обширной библиотеке медицинского факультета. Можно думать, что это было результатом посланной мной из ташкентской тюрьмы маршалу Клименту ВОРОШИЛОВУ просьбы дать мне возможность закончить свою работу по гнойной хирургии, очень необходимую для военно-полевой хирургии».

В Томске профессор за два месяца перечитал много новейшей литературы по гнойной хирургии на немецком, французском и английском языках и сделал выписки из неё. «По возвращении в Большую Мурту вполне закончил свою большую книгу «Очерки гнойной хирургии», — писал он позже.

В 1941 году владыка был доставлен в Красноярск для работы в местном эвакогоспитале 15-15, где трудился в течение трёх лет. В 1942 году епископ Лука был возведен в сан архиепископа. Служение на Красноярской кафедре владыка совмещал с научной деятельностью. Из мемуаров Луки: «Священный Синод при местоблюстителе Патриаршего престола митрополите Сергии приравнял моё лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и возвёл меня в сан архиепископа».

Впоследствии он получил благодарственную грамоту Западно-Сибирского военного округа, а позже медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Во все воскресные и праздничные дни Войно-Ясенецкий ходил в отдалённую маленькую кладбищенскую церковь в Николаевке, так как других в городе не было. Он вспоминал, как однажды на полдороге завяз в грязи, упал и вынужден был вернуться домой.

Продолжение следует...

— Он был поливалентный хирург. Не только хирургия, но и травматология его конёк. Профессор не ампутировал, а старался спасти повреждённый сустав, правда, функцию сустава сохранить не всегда удавалось, но человек мог самостоятельно ходить! Войно-Ясенецкий разработал

пластиком, который впоследствии рассасывается, а на этом месте формируется костная ткань, — делится Надежда Маркелова, доцент кафедры общей хирургии КрасГМУ. — Это новый виток в медицине, реконструктивно-восстановительная хирургия (недавно вышла в свет коллективная монография, — прим. автора). Например, для лечения гнойных ран сейчас испытываем новые перевязочные материалы, созданные по технологии, в основе которой — принцип управляемой биодеградации. Наши коллеги — учёные-биотехнологи научились синтезировать нетканое ультратонкое волокно из этого материала. Так что есть шанс представить на российский рынок абсолютно конкурентоспособную продукцию, которая нисколько не уступает зарубежным аналогам.

... Говорят, что хирурги — циники, привыкают к смерти. Мне, кажется, к этому нельзя привыкнуть — большинство хирургов умирают с каждым пациентом... Таким был и Войно-Ясенецкий, — об этом рассказывали те, кто работал рядом с ним.

Помню пациента, у которого шансов выжить не было вообще. В 2011 году он попал к нам в очень тяжёлом состоянии: острый холецистит, осложнённый перитонитом, впоследствии сформировался толстокишечный свищ. Всё это вяло текло, организм пациента был истощён. Прооперировали уже деструктивный холецистит — время было упущено, он поздно обратился. Потом всё перелилось в абдоминальный сепсис. Оперировали ещё и ещё, потому что продолжался вялотекущий перитонит. И каждый раз, когда заканчивалась операция, я где-то морально готова была уже расписаться в беспомощности, но постоянно в мыслях за этого больного молилась... И он выжил. Его жена подарила мне живую орхидею. Цветок до сих пор растёт и напоминает мне о чудесном спасении...

Послесловие

С декабря 2007 года Красноярский медицинский университет носит имя легендарного хирурга. По старому стилю 27 апреля, а по новому — 9 мая — день его памяти. При вузе действует храм имени В.Ф. Войно-Ясенецкого. В главном корпусе медуниверситета 1 сентября 2014 года открылся мемориальный зал Войно-Ясенецкого — Святителя Луки, где хранится второе издание книги «Очерки гнойной хирургии», дополненное мэтром во время работы в Красноярске и вышедшее в свет в 1946 году. Именно за это издание и научный труд «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов» архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука получил Сталинскую премию и большую часть денег пожертвовал детям-сиротам войны.

Известно, что выдающийся богослов и врач некоторое время жил в деревянном доме по адресу Вейнбаума, 21. Несколько лет назад там случился пожар. Коллеги Войно-Ясенецкого вытащили из огня ставню и дверь и перенесли их в alma mater. Подержаться за эти реликвии, которых касался когда-то Святитель Лука — особый ритуал для служителей Гиппократата...

О «красноярском» периоде в жизни прославленного хирурга Владыки Луки написано не так уж и много. Возможно, найдётся автор, и на свет появится ещё одна книга...

Вера КИРИЧЕНКО

О библиотеке с любовью

Во времена, когда ещё не было Интернета, вечно голодное и вечно недоспавшее студенчество с утра ломилось в прекрасное здание на площади Революции, где покорно стояло в очереди сначала в гардероб, потом в очереди на получение книг, затем на их возврат и, наконец, опять в гардероб.

Когда за высокими окнами неумолимо угасал короткий зимний день и зажигались фонари, потерявший счёт времени читающий народ вздрагивал от резкого звонка, оповещавшего о закрытии библиотеки. Но никто не трогался с места, лихорадочно дочитывая и конспектируя в оставшиеся десять минут так удачно добытую книгу, которую в следующий раз кто-нибудь наверняка перехватит.

Но сегодня всё это в прошлом. И никакого читательского ажиотажа больше не наблюдается. Однако директор Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края Татьяна Лукинична САВЕЛЬЕВА смотрит на произошедшие перемены с вполне обоснованным оптимизмом.

— Всё меняется. Так и должно быть. Да, с одной стороны, стали читать меньше. Но с другой — у тех, кто читает, возможностей сегодня значительно больше: электронные документы, удалённый доступ... На нашем сайте, который, на мой взгляд, работает очень хорошо, выставлен электронный каталог. С его помощью, находясь далеко от библиотеки, вы можете узнать не только о наличии какой-то книги в фондах, но и выдана она или стоит на месте. Если книга выдана, то когда она вернётся, вам может быть послано об этом сообщение. В течение дня вы приходите и забираете её.

Всё это возможно потому, что и на абонементе, и в читальном зале книги у нас имеют специальные метки, которые при выдаче считываются и автоматически попадают в каталог. Конечно, эти метки имеет пока не весь фонд. Он у нас огромный — только книг полтора миллиона. А ещё есть специальные издания, брошюры, периодика...

Посещение библиотеки для читателей сегодня очень упростилось. Многие моменты, когда-то осложнявшие жизнь, давно ушли. Например, раньше был бумажный читательский билет. По его предъявлению при входе выдавался контрольный лист, который постоянно терялся, создавая и читателям, и сотрудникам массу проблем. Сейчас у нас стоит система сканирования. Придя в библиотеку, читатель проходит турникет, просто прикладывая свой электронный билет. В каждом отделе билет тоже сканируют. А обратно он уже идёт через ворота. При такой системе и книги лучше защищены, и читателям проще.

Удобно и то, что очень много книг стоит в открытом доступе. Абонемент вообще весь открыт. Там имеется так называемая станция самовыдачи — можно подойти и автоматически записать книжку. Удобно и то, что при необходимости читатель может сделать заказ заранее, до своего прихода в библиотеку. Для этого ему надо зайти на нашем сайте в личный кабинет, оформить заказ и сообщить, в какой день и в какое время он сможет прийти. И книжка его будет ждать.

Если же нужна просто какая-то справка, приезжать и вовсе не обязательно. Можно на сайте зайти в справочную службу и задать вопрос. Время получения ответа будет зависеть от сложности заданного вопроса. На сайте же выставлена электронная библиотека, книги, газеты и журналы можно скачивать и читать в удобном для вас месте. Так что очень многое можно сделать, не посещая библиотеку.

— А как же учёт читательских посещений? Это же обязательный для работы библиотеки показатель. Разве важно, пришёл читатель лично или нет? Обслужить его обслужили, время на него затратили. И потом, в библиотеку сегодня не только за чтением приходят, но и для общения, которое тоже надо организовать.

— К сожалению, учёт ведётся только по чистому посещению. Хотя

понятно, что обслуживание виртуального посещения требует вполне реальных усилий. Книжку надо обработать, занести в электронный каталог, сделать её доступной. Обеспечить всё это должны сотрудники библиотеки. Объём работы, связанный с сайтом, достаточно большой. Но и результат впечатляет. По итогам прошлого года сайт посетили порядка восьмисот тысяч человек. А читателей, которые пришли ногами — около трёхсот тысяч. В общей сложности цифра, конечно, огромная.

А что касается пришедших на мероприятия, то они тоже учитываются. Надо сказать, что библиотека сегодня немного изменила свои функции, начав больше заниматься досугом. Интеллектуальным досугом, разумеется. В нашей библиотеке, например, вот уже пятнадцать лет проходят встречи Красноярского философского общества, которое возглавляет доктор философских наук, профессор Вячеслав Иванович КУДАШОВ. Они собираются, обсуждают серьёзные темы.

Есть у нас и молодёжный клуб любителей кино. Он объединяет людей, которые предпочитают смотреть фильмы, требующие определённых усилий. Их немного — человек трид-

цать. Есть клуб настольных игр. И это не только шашки и шахматы. Это игры, связанные со знанием истории, химии, физики и других наук. Члены этого клуба собираются по субботам и воскресеньям. Иногда приходит до пятидесяти человек.

Есть и клуб английского языка. Он работает при отделе литературы на иностранных языках вот уже почти сорок лет. Клуб делится на две группы. Группу разговорного английского в основном посещает молодёжь. Это студенты, школьники, преподаватели, люди самых разных специальностей. Преподаватели английского языка и переводчики чаще всего посещают другую группу — английский литературный клуб. Общаются они только на английском. Недавно появились клубы общения на французском, украинском языках. Сейчас формируются группы общения на испанском, изучения эсперанто.

Вообще, в своей клубной работе мы исходим из того, что приходящие к нам люди совершенно свободны в выборе и могут делать то, что им хочется. Ограничение только одно — нельзя нарушать свободу других.

Конечно, так или иначе все клубы и объединения связаны с чтением, но надо сказать, иногда мы занимаемся и не совсем своей работой. У нас часто проходят мероприятия, которыми должны бы заниматься культурно-досуговые учреждения, а не универсальная научная библиотека.

«Краеведение». Продолжительность обучения в университете составляет один год. Набираем до ста пятидесяти человек ежегодно. Это люди ближе к семидесяти и старше. В библиотеку они ходят с большим удовольствием. Так что причин посетить нашу библиотеку у людей достаточно и помимо чтения.

— И всё же, как обстоят дела с чтением?

— А как они могут обстоять? Когда мы были студентами, нам преподаватели давали список литературы и говорили: «Читайте». И мы читали. Теперь всё по-другому. Студентам дают набор лекций со словами: «Вот этого вам будет вполне достаточно». Неужели нельзя сообщить о новых монографиях, о последних статьях в специализированных журналах? Я не могу сказать, что мы были какими-то исключительно умными студентами. Но мы читали в оригинале. И потому могли составить о прочитанном своё собственное мнение.

А как сегодня изучается художественная литература? Просто берётся тоненькая хрестоматия, в которой умещается вся наша отечественная словесность в кратком изложении, и прочитывается по диагонали. В результате такого «изучения», увидев «Евгения Онегина» в оригинале, молодой человек недоумевает: «А разве он в стихах? Это же вроде роман».

Конечно, всё это сказывается и на общей культуре. И, как следствие, на умении говорить. Ведь сейчас молодые люди, придя в библиотеку, зачастую не в состоянии сказать, что им собственно надо. Они даже тему не могут сформулировать. Возможно, и мы в чём-то не дорабатываем.

— А что скрывается в вашей библиотеке за названием «Центр чтения»?

— Это такая неформальная организация, которая занимается продвижением чтения. Создавая её, мы пытались объединить усилия библиотек наших вузов, наших театрально-зрелищных предприятий. Используя свой сайт, мы имеем возможность

Вот, например, читатели хотят провести вечер романса. И мы идём им навстречу, приглашая наших партнёров из театра оперы и балета.

Вообще, к сожалению, на сегодняшний день библиотека, пожалуй, единственное учреждение культуры, куда можно прийти бесплатно. И это очень важно. Особенно для людей старшего поколения, живущих на пенсию. Для них у нас в 2012 году был создан Красноярский краевой народный университет «Активное долголетие». В нём три факультета: «Здоровье», «Культура и искусство»,

не только рекомендовать читателям лучшую литературу, но и проводить различные мероприятия, выступая координаторами. Проводим мы их не только в стенах библиотеки, но и выезжаем в парки, школы и даже за пределы Красноярска. У нас для этого и транспорт есть.

Конечно, нельзя сказать, что после каждого мероприятия все бегут к нам за книгами. Но вот встречи с писателями обычно дают хороший результат. Я сама была свидетелем, как после одной встречи, где писатель советовал почитать какие-то конкрет-

ные книги, мальчишки все как один ринулись к нам на абонемент. Слово живого писателя и сегодня многое значит. Особенно на селе.

А вообще, интерес к чтению, несмотря на все ухищрения, конечно, упал. Просто не верится, что совсем недавно было даже как-то неприлично не прочитать то, что все кругом читают.

— Но тогда и такого потока издаваемых книг не было. Как сегодня библиотека с ним справляется? И поступает ли вам обязательный экземпляр?

— Я не могу сказать, что сегодня очень много выходит хорошей литературы. Так что о значительном увеличении потока говорить не приходится. Что касается обязательного экземпляра, то его, как и прежде, отправляют в Книжную палату и в Российскую государственную библиотеку. И книжный и электронный. Лет сорок назад и мы его получали. Книжный, разумеется. Но сегодня в этом нет смысла. Конечно, это не относится к местным изданиям. Каждое издательство, работающее на территории Красноярского края, обязано предоставлять нам два экземпляра любого документа, который они выпустили. И на бумаге, и в электронном виде. В основном это требование выполняется. Но приходится и напоминать.

Что касается комплектования фонда, то мы — библиотека универсальная, а потому в основном берём книги универсального характера. Конечно, мы смотрим, что из книг и периодики берут библиотеки наших вузов. И что они берут из электронных баз — ведь это достаточно дорогие вещи, чтобы их дублировать.

В основном наш фонд комплектуется изданиями гуманитарного профиля. Много художественной, юридической, экономической литературы. Однозначно берем всё краеведение.

— А так называемый спецфонд? Он еще существует?

— Сейчас как такового спецфонда у нас нет. Лет тридцать назад он был расформирован, и всё ушло в свободный доступ. Но некий закрытый фонд, конечно, есть. Там, согласно приказам министерства юстиции, сегодня в основном хранится литература экстремистского характера. Время от времени министерство высылает списки книг, признанных экстремистскими. Эти издания мы из своего фонда изымаем. Оставляем контрольный экземпляр, а остальные списываем.

Разумеется, на эту литературу тоже существует свой информационно-справочный аппарат, и им можно пользоваться. Но доступ к этому фонду возможен по особому распоряжению директора. Такая практика существует во многих библиотеках мира.

Конечно, бывает, что подобная литература обнаруживается в библиотеке спустя какое-то время. Изъять её из фонда в таком случае можно лишь по решению суда. Понятно, что это долгая история. А потому мы, ожидая решения, убираем книгу из открытого доступа.

В том, что такое происходит, нет ничего удивительного. Когда книга попадает в библиотеку, сотрудник, который её оформляет и заносит в справочный аппарат, видит заголовок и аннотацию. У него просто нет возможности читать всё, что к нам поступает.

В какой-то степени дело упрощается введённым недавно правилом,

обязывающим издательства ставить на книгу рекомендуемый возраст читателя: 12+, 16+, 18+. В последнем случае обращаем на книгу более пристальное внимание. Если она наполнена явным насилием — стараемся не брать.

— Судя по тому, что в библиотеке есть издательский отдел, вы и сами издаёте книги.

— Наша библиотека является методическим центром для библиотек края. В советские времена мы были для них вышестоящей организацией, призванной руководить их работой. Теперь немножко по-другому. Теперь мы партнёры — к нам можно прислушиваться, а можно и нет. Но, тем не менее мы издаём методические рекомендации для работы библиотек и различные библиографические указатели. И как прежде издаём календари памятных дат, которые выходят ежегодно начиная с 1960 года. Календари, как правило, бывают отпечатаны уже в декабре. Все они висят на нашем сайте и пользуются большим вниманием. И очень востребованы властью.

Все эти материалы издаются на бюджетные деньги — у нас есть специальная статья расходов. Но что-то издаём на гранты и спонсорские средства. Например, недавно нами на спонсорские деньги была издана книга о Дмитрие ХВОРОСТОВСКОМ.

— Татьяна Лукинична, нет ли у библиотеки проблем с оцифровкой? Печальный опыт ИНИОНа говорит о том, что тянуть с ней нельзя.

— Два года назад мы приобрели очень дорогое оборудование, которое позволяет делать цифру в исключительно хорошем качестве. До этого мы её тоже делали, но качество было неважным.

Конечно, в первую очередь мы оцифровываем краеведение. Книги о Енисейской губернии, местные издания, в том числе газеты и журналы. Сейчас делаем газету «Красноярский рабочий». Она у нас хранится начиная с первого номера. Многие экземпляры совершенно зачитаны, но нам помогает сотрудничество с нашим

архивом. Так что работа идёт. Процесс этот, конечно, медленный, но рано или поздно всё, что позволяет законодательство об авторских правах, будет оцифровано.

Надо сказать, что мы переживаем даже не столько за редкие книги, фонд которых у нас составляет тридцать тысяч экземпляров, сколько за местные издания. Ведь редкие книги всё же можно найти и в Москве, и в Петербурге, а вот наши — только у нас. Потому что себя в первую очередь мы должны сохранить то, чего больше нет нигде.

Из Отчёта о деятельности Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края за 2014 год:

- Библиотеку посетило 311 075 человек.
- Число зарегистрированных пользователей 56 977 человек
- Выдано 2 164 029 экземпляров изданий.
- Общий объём фонда 4 030 013 экземпляров.
- Объём поступлений 24 690 экземпляров.

Вообще, нельзя забывать, что библиотеки по пожароопасности находятся в самом вершине списка. Конечно, у нас есть система пожарной охраны. Но всё очень быстро меняется, и требуется её постоянное обновление. А это деньги. Их, как известно, всегда не хватает.

Конечно, не могу сказать, что мы совсем лишены средств. В этом году нам дали деньги на ремонт фасада, который буквально рассыпается. Уже готовим проектно-сметную документацию. На очереди актовый зал, который уже пятьдесят лет стоит без ремонта.

— Говоря о ремонте, нельзя не спросить о традиционной для библиотек проблеме — нехватки площадей для размещения неуклонно растущего фонда.

— Пока площадей нам хватает. Мы же заняли всё здание бывшего совнархоза, где у нас около пяти тысяч квадратных метров. Если учесть, что

само здание библиотеки составляет 6600 м², то мы увеличили занимаемую нами площадь почти в два раза.

Начиналось всё это в 1992 году. Первый человек, который в вопросе расширения пошёл нам навстречу, был Валерий Иванович СЕРГИЕНКО. Он тогда исполнял обязанности председателя крайисполкома. В это время из здания съезжали разные управления, и мы старались оперативно занимать освобождавшиеся помещения.

Однажды освободился целый этаж — уходило управление лесной промышленности. Валерий Иванович написал его начальнику записку на клочке бумаги: «Выедешь — отдай ключи библиотеке». Всё! До этого мы жили в постоянном страхе. Но когда заняли весь второй этаж, нас уже трудно было выставить. Ну, а последний шаг сделал губернатор КУЗНЕЦОВ, выселив из здания одно сохранившееся там министерство.

— Значит, библиотека ещё долгое время может жить спокойно?

— О долгом времени пока сказать не могу. Да и о спокойной жизни тоже. Нам надо как можно быстрее сделать капитальный ремонт в самом хранилище. В нём семь этажей, и его не ремонтировали пятьдесят лет. Текущий ремонт, конечно, проводили, но дело не в красоте. Просто давно пора установить современное оборудование — систему вентиляции, кондиционирования и, что особенно важно, помня о пожаре в ИНИОНе, современную систему пожаротушения. Так что, если сейчас отремонтируем фасад, потом хранение, потом цокольный этаж и актовый зал — то всё у нас будет хорошо.

Вообще, надо сказать, что основное здание Краевой библиотеки было спроектировано именно под библиотеку. И потому оно исключительно удобно. Здание настолько хорошо сделано, что в нём ни жарко, и ни холодно. В нём легко дышится. А в актовом зале прекрасная акустика. Потому, когда нам иной раз говорят, что хорошо бы построить для библиотеки современное здание из стекла и бетона, мы отвечаем: «Нет, не надо!». Да и потом, библиотека находится в центре города. А это очень большое преимущество — читателям удобно сюда приходить. И вообще, у нас очень комфортно — бесплатный Интернет, кругом Wi-Fi, можно посидеть, отдохнуть, выпить чашечку кофе.

Сейчас много приходит тех, кто заканчивал вузы лет десять-двадцать назад. Они всегда удивляются: «О, так у вас и это есть? И это?». Оказывается, они и представить не могли, что сюда можно прийти и очень приятно провести время.

Я достаточно давно работаю в библиотеке и могу сказать, что мы каждый год, как бы сложно не было, стараемся что-то поменять к лучшему. И нам это удаётся. А всё потому, что у нас замечательный коллектив, и мы все очень любим нашу библиотеку и наших читателей.

Насколько велика и действенна любовь, о которой говорит директор Татьяна Лукинична Савельева, можно легко представить, посетив официальный сайт Красноярской краевой научной библиотеки. В первое же мгновение понимаешь, какой заботой ты окружён и какое чудесное путешествие тебя ожидает. Путешествие и в пространстве виртуальном, умело и тщательно выстроенном, и в пространстве реальном — светлом, свободном и дружелюбном.

Галина ДМИТРИЕВА

На звук и цвет товарищ найдётся

Мой собеседник, точнее собеседница, — приятная молодая женщина, Екатерина Викторовна ГОРЕВА, которую я знаю несколько лет. Знаю с необычной стороны. Сказать о Екатерине Викторовне, что она занимается фольклором, исполняет его — почти ничего не сказать. Она погружена в него, живёт в нём. Ещё раз прочтите начало статьи: моя собеседница — приятная молодая женщина.

— Скажите главное о себе — кто вы в первую очередь?

— Сложно, но я попробую. Когда я себя представляю, во-первых, говорю, что я ЧЛЕН РОССИЙСКОГО ФOLЬКЛОРНОГО СОЮЗА. Во-вторых, я РУКОВОДИТЕЛЬ ШКОЛЫ ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ. Эта деятельность основывается на программе новосибирских фольклористов. В своё время они написали её для того, чтобы своих детей вводить в фольклорный мир. Мы эту программу взяли на вооружение и проводим занятия для детей от полутора до четырёх лет. Нам удалось развить программу и организовать параллельно ещё группу мам. И мы пригласили педагога, который занимается с мальчиками. Сначала мальчики занимаются со мной три года, а потом переходят на следующую ступень — школу мужской воинской культуры. Переходят к мужчине-преподавателю, потому что в четыре-пять лет мальчик должен уже выходить из-под женского обхождения. Занятия у них походят больше на подготовку «Курса молодого бойца», чем на школу пестования. Поэтому мальчики естественным путём откололись, вернее, сформировался ещё один круг. И я себя считаю руководителем всего этого.

— Сколько у вас человек сейчас обучается?

— Детей у нас человек 30, взрослая студия — 10 человек и 7-10 человек — мужская студия.

А ещё я считаю себя МАСТЕРОМ ПО КОСТЮМУ, потому что мне эта тема интересна. Я исследую костюм этнографический и пытаюсь сделать костюм из современных материалов, но с тем традиционным видением, с определённым эталоном красоты в пропорции, в цвете, в технике воспроизводства, в манере ношения. И с эмоционально-психологическим переносом этой красоты на себя современную.

— То есть вы модельер традиционного костюма, а не реаниматор культуры?

— Да, можно так сказать, всё-таки модельер, потому что копия невозможна. А реанимации никакой нет, потому что реанимация подразумевает умирание перед тем, как реанимируют, а умирания нет. И сочетание «возрождение культуры» мне не нравится. Мне больше нравится «продолжение». В этом комфортнее, потому что «возрождение» — это как будто бы жизнь продиктовала условия такие, что традиционная культура умерла и не востребована, а я с этим абсолютно не согласна.

Я считаю, что традиционная русская культура не просто востребована, она продолжает жить. Я это говорю не потому, что я профессиональный фольклорист по образованию и работаю им. Но я разговариваю с участниками своих студий и спрашиваю их, зачем им нужна традиционная, фоль-

клорная культура? Для чего они через забитый Свободный проспект в семь часов вечера раз в неделю едут на репетицию, чтобы петь то, что записано в деревне от бабушек? И они говорят довольно абстрактно: «Мы это любим». Кто-то говорит: «Не знаю, почему». Но многие женщины говорят, что когда прикоснулись к традиционной культуре, именно к её подлинному образцу, поняли, что они женщины. Говорят, что стали выполнять те ипостаси, которые были предписаны женщине.

Наша студия участниц внутренне перерождает — вот, наверное, самое удачное слово. В студии происходит какое-то становление, связанное именно с ипостасью женщины. Дома они начинают больше готовить, у нас тема кулинарии постоянно возникает, связанная с русской кухней. Когда мы только собрались в группу, много кто ходил в брюках, сейчас — никто не ходит. Мы пришли к этому выводу на последней репетиции, когда к нам пришла новая женщина, и мы увидели у себя на репетиции женщину в брюках. У нас же брюки постепенно ушли вообще из комплекта одежды.

— Давайте мы о вас продолжим. У вас есть ещё какая-то важная сторона вашей жизни?

— Есть. Это FOLЬКЛОРНЫЙ АНСАМБЛЬ «ЖИВАЯ СТАРИНА». Ансамбль активно изучает и пропагандирует региональную русскую старожильческую ангарскую тради-

цию пения и локальную ангарскую народную культуру. И мне интересно наблюдать, насколько меняется процесс вхождения современного человека в фольклорный мир.

Когда мы только начинали, нам нужно было лет пять для того, чтобы освоить материал, чтобы принять его, чтобы это было вхождение в традицию и прорастание — ошутить себя внутри этой музыки, в мире этого звука, часто незнакомого для горожан. А сейчас я смотрю, хватает года — методика настолько отработалась. Эта созданная среда настолько быстро даёт человеку этническую ориентацию, что в течение года человек, находясь в условиях фольклорной студии или коллектива ансамбля, включается в неё намного быстрее.

— Задам некорректный вопрос: что вы больше любите исполнять? Вдруг у вас есть какие-то особые «любви».

— Вы знаете, как сказал один из профессоров Омской консерватории, «фольклор — это всеобщее музыкальное образование». Всеобщее, то есть которое есть на протяжении всей тво-

ей жизни и, в зависимости от того, как меняется твой жизненный статус, меняются жанры, которые тебе нравятся. Когда мы только начинали фольклором заниматься, вечерка для нас была самым лучшим из всего того, что можно было прожить. Пляски, игры... Мы и сейчас их любим, но тогда они заполняли все существо, и другого не нужно было. Конечно, мы пели и протяжные песни, и исторические, и духовные стихи. Но вхождение в эти жанры должно прийти с опытом и осознанием. Я думаю, на каждую возрастную фазу есть определённые жанры, определённые песни, которые очень нравятся.

— Много у вас ролей: исполнитель, руководитель, модельер, воспитатель взрослых и детей. Это огромный опыт. Вы собираетесь как-то им делиться, но не изустно? Приходило желание всё это описать?

— Мне об этом говорили многие люди. Когда на семинарах мы рассказываем о своих ощущениях от вхождения в традицию, о её роли в нашей жизни, неоднократно нам говорили: «Напишите то, что вы говорите...». Точнее, сначала вопрос звучит так: «Посоветуйте что-нибудь прочитать по фольклору». Мы адресуем к людям, которые по фольклору пишут, говорим: обратитесь к ним, они дадут вам хорошую библиографию, они скажут, что из новых изданий есть, что читать из классики. А слушатели:

Потому что до старости — огромное количество жанров, которые старики уже не используют: тут и игровой фольклор, те же обряды, связанные с кумлением, свадьбы и так далее. И когда люди видят современных молодых людей, исполняющих фольклор, они понимают, что это люди, которые имеют отношение непосредственно к традиции, что это не артисты, это не люди, которые играют роль русского человека. И вот эту связь люди хотят отследить, проверить её подлинность. А может быть, прожить её...

— Когда слушаешь ваше исполнение, иногда складывается ощущение недостижимых музыкальных высот. И начинает создаваться ложное мнение: они окончили музыкальное училище, поэтому занимаются фольклором. Хотя ваша деятельность показывает, что любой человек может прийти и начать, и жить этим.

— Да. Когда мы спели первую песню, нам начали задавать вопросы: «А где эти женщины пели до этого?». А они нигде не пели! Это мамы детей из школы этнической социализации. Поверить в то, что эти люди нигде не пели, и за три года они вот так стали петь, трудно. У профессиональных музыкантов такой шок, потому что многие считают, что для такого исполнения нужны четыре года колледжа и пять лет института. А фольклорная традиция дала людям, не знающим письменной нотной грамоты, вот такое исполнение.

— Я у вас хочу спросить, Екатерина Викторовна, какие, по вашему мнению, мы — русские? Что у нас главное?

— Первое, что эмоционально всплывает, — это всё-таки коллективность. Фольклор сохраняется только лишь в коллективе. Сольных жанров в фольклоре очень мало. А чтобы спеть полновесно, чтобы ты получил эстетическое удовольствие, рядом с тобой должны быть люди. Идеальный вариант, когда рядом с тобой — ровня. Когда ты с ними поёшь на равных, тогда получаешь музыкальное удовольствие (недаром есть слово «спелись»).

Если я чувствую, что пою с людьми, с которыми спелась, мне кажется, я всегда могу с ними найти выход из любой сложной ситуации. Ещё я думаю, что традиционная культура, и конкретно русская, потому что она нам ближе, даёт систему запретов, систему норм и правил, исходя из которой ты выстраиваешь свою жизнь, свою деятельность.

— А разве систему запретов не родители задают?

— Я говорю о запретах в каком-то ином смысле. Запреты, которые не извне внесены родителями, а которые человек переживает сам.

— Вот как вы про юбки говорили, да? Никто не запрещает, но женщина вдруг отказывается от брюк. Это же не запрет какой-то: «Не приходи к нам в брюках!».

— Если бы навязали извне, запрет имел бы насильственный характер, и как только ты расслабляешься, запретное сразу появится. А так как ограничение само родилось, то оно не нарушается человеком.

Или другой пример того, что даёт традиционная культура. Вот, допустим, дети пляшут. И среди них появляется одна звёздная девочка или мальчик, которые начинают так плясать, что засмотришься. Они выдают такие хореографические фенотипы, что я от них буквально учусь механизмам движения, организации.

Обычно традицию видят в исполнении бабушек, и для большинства психологически это традиции «старушечьи». Как один из этнографов сказал: «Ложное восприятие заключается в том, что люди считают: традиция — это для старых людей». А на самом деле фольклор — дело молодое.

Вот вчера я показала какие-то движения детям, они их сделали, сплели форму, которую я им показала, а потом я говорю: «А теперь я вам на балалаечке сыграю, посмотрим, как наши детки попляшут». И тут детки выстрелили всё, что у них накопилось, всю хореографическую лексику, которой они владели — они её выдали. Это была такая массовая пляска, очень гармоничная и не надиктованная, то есть то, чему научить я их не могу, потому что в этом возрасте они ещё не обучаемы до такой степени. Но они выдают какие-то механизмы традиции, сохраняющиеся в них.

У меня был случай, когда одному из участников коллектива я шила рубашку. Он был ортодоксальный татарин, мусульманин. Очень хорошо чувствовал народность, фольклорность, очень был музыкально отзывчивым и в русском музыкальном контексте, в контексте русского ансамбля был одним из базовых участников, хорошо всё делал. Притом он знал свою этническую культуру, свой язык, говорил по-татарски. И я шила костюмы всем участникам коллектива. Брали традицию русского Севера, то есть тот регион, который под татарами не был, то есть там вливания татарского не было вообще. И когда я ему шила рубаху и надела на него, у меня был стресс, потому что рубашка на нём не сидела, она ему не подошла — очень высоко поднялась пройма! Таких ошибок я никогда не допускала! Я удивилась: что такое? Почему такая ошибка? А он говорит: «А у нас у всех плечи не покатые, у нас плечи наоборот — выгнутые». Помните Пушкина: «Иль башку с широких плеч у татарина отсечь»? У него за счёт физиологического подъёма плеча пройма поднялась, и мне ему пришлось сделать подклинок к рукаву, чтобы опустить пройму. Но теперь эту рубаху никто носить не может. Теперь он уже ушёл из коллектива, а рубаха эта осталась с этим подклинком, она теперь всем велика и никому не подходит. Потому что гены пальцем не задавишь.

— У нас был Год русского языка, Год культуры, сейчас Год литературы. Вы бы хотели, чтобы был объявлен Год русского фольклора?

— Хорошо, когда объявляют год чего-то, привлекается внимание, имеет резонанс для общества. Наверное, дали бы выход проектам, тем, которые у людей созрели: например, концерты, фестивали. Фольклор надо в народ вывести не на уровне любительства и активных групп, а именно официально. Наверно, было бы хорошо. Но тут есть одна сложность, когда в угоду времени люди начинают следовать каким-то правилам.

У нас был период, когда ансамбль «Живая старина» вошёл в цвет, и среди профессионалов пошёл резонанс. И многие коллективы, исходя из того, что пошёл резонанс, стали примерять на себя формат фольклора. И получился гибрид. Им начали говорить: «Вы же не фольклорные. Вы надели костюм, но вы же всё равно ведёте себя как сценические, как артисты. Вы не носите одежду как одежду, вы носите её как костюм. Вы в неё переодеваетесь, на сцене изображаете то, что вы считаете правильным изобразить, а по сути такими не являетесь. Оставайтесь лучше вы в своей нише какого-то сценического воплощения — это будет, по крайней мере, выглядеть гармонично».

Поэтому я считаю, что фольклор живёт и развивается скорее вопреки чему-то, чем благодаря чему-то. То есть мы можем сейчас написать грант

Екатерина Горева

на два миллиона рублей, нашить традиционной одежды и начать её надевать на людей, но толку от этого будет мало, да и ни к чему.

— Скажите, почему на сцене так много псевдорусского? Или его не много, а мне лишь кажется?

— В балансе с фольклором его, конечно, много стало. Во-первых, потому что пожилых носителей традиции становится меньше, молодёжное движение количественно так разрастается не успевают, как уходят бабушки. И получается, что фольклора действительно становится меньше.

Во-вторых, такая псевдорусскость — это, конечно, госзаказ, это государственная эмблема, которая была создана как раз для того, чтобы представить некую русскую культуру.

Чем отличаются фольклорные коллективы, даже те, которые выступают на сцене, от коллективов сценических? У фольклорного коллектива всегда есть свой звук и свой цвет как способы воздействия на человека, которые оставляют о коллективе эмоцию. Представляете: каждый коллектив выходит, и каждый в своём звуке, в своём цвете, они как живой организм.

Специалисты говорят, что нет русского костюма. Есть костюмы того или иного региона России: крестьян Курской области, одежда казаков-однородцев Воронежской области и так далее. А вот русского костюма, который включил бы в себя все элементы, нет.

— Вы говорите вещи, с которыми многим трудно согласиться. Как это нет? А как же косоворотка, кокошник?

— Это происходит до того момента, пока человек не задумывается, а реагирует вот на подобную эмблему как на русское. Знаете, «псевдорусское» — оно какое-то «надэтническое». Вот если ангарскую женщину средних лет спросить, что такое «русское», она ответит: «Этот кокошник, сарафан...». А что такое ангарское? «А это бабушка моя ходила в том-то и том-то». И она это как русское не понимает, не

называет русским, это как некая эмблема своей малой родины. А русское как бы другое.

И ещё одна причина «а-ля рюс» — стереотипизация мышления. Стереотипы легче создать. Хотя эти стереотипы созданы одним поколением, поколением советских людей. Я не говорю, что это плохо. У нас на последнем детском конкурсе выходили разные коллективы: кто-то ближе к фольклору, кто-то дальше. В зале сидели бабушки, которых пригласили через соцзащиту. И когда вышел один-единственный коллектив в красно-белом, шитом золотом, с коронами, то бабушки испытали эмоциональное удовольствие, и они так им хлопали!

— Часть беседы я хотела бы посвятить духовным стихам. Это уникальный пласт народной культуры, потому что, наверное, это единственный фольклорный жанр, который связан с книжностью.

— Это жанр, который пришёл явно с христианством, а христианство у нас ассоциируется с письменностью. Я понимаю духовный стих как преломление в народе книжного христианства, когда распространение христианства опережало формирование христианского института: построение церквей, монастырей. Фольклор учит христианству, мне кажется, никакой он не языческий, он очень христианский.

Зачем потребовался русскому человеку духовный стих? Были же книги, читали Библию. Однако не везде церкви были. В первые времена христианства священники не успевали прийти, приехать, а в народе была потребность в вере, и люди придумывали неканонические молитвы. Духовный стих — это неканонические молитвы.

И ещё про духовный стих хочу сказать: в пост же нельзя веселиться, вот и пели, допустим, во время Великого Поста, когда делали какую-то домашнюю работу, задумывались в этот момент о душе.

У фольклористов есть мнение, что раньше духовные стихи были частью календарного фольклора. А потом, когда советская власть стала бороться с народной культурой, духовный стих перешёл в разряд семейно-обрядового фольклора, в похоронный обряд и таким образом сохранился. В советский период духовный стих по сути является отпеванием покой-

ника. Батюшек нет, отпевать некому, молитвы, какие знали, сказали, а сам процесс отпевания был заполнен исполнением духовных стихов.

Отвлекусь от духовных стихов, приведу такой пример. Фольклорист и этнограф Алексей Алексеевич МАКАРЕНКО записывал на Ангаре «Виноградие» на святочном обряде, при обходе дворов: «Ходили люди по морю синему, по Хвалынскому, плыло три корабличка...». Это сюжет былин «Илья Муромец на соколе-корабле». А потом мы там, можно сказать, спустя век, практически от той же группы людей, от потомков, записывали ту же былинку, только она была в свадебном обряде! Былина перешла от календарного в семейно-обрядовый фольклор. То же самое случилось с духовными стихами.

Мы записывали духовные стихи в контексте общей жизни носителей традиции. Они могли упоминать имена святых в закличках, например, «Поможи нам, Боже» или «бабушка Егорий, святой, преподобный, спаси мою скотинку», и тут же они могут петь духовный стих. Носители его не отделяют в какой-то церковный отдельный жанр, он у них находится внутри их фольклорной жизни, они не считают его пришедшим извне. Этот жанр для нас пока сейчас специфический, он с классической «русскостью», с точки зрения классической этнографии, не ассоциируется. Духовный стих — это действительно как какая-то иная ниша народной культуры. Как связующее звено между ортодоксальным монашеством, допустим, церковностью, глубокой воцерковлённостью и относительной свободой, которая присутствовала в народе.

С одной стороны, духовный стих отражает музыкальную палитру фольклорной традиции, в которой он исполняется, с другой, — живёт немножко в другом каноне, звуковом и музыкальном. В силу того, что другая эмоция, он как будто находится посередине. Духовный стих не концертный жанр. Он вообще не имеет места в современном контексте праздников. Современность праздник воспринимает как праздность, как радость, ликование постоянное, а фольклорный праздник живёт немножко в другом ритме.

А.Н. СПЕРАНСКАЯ

Фото Ольги ЛАПТЁНОК

Независимые книжные

Новая социальная институция

Словосочетания «новые книжные» и «независимые книжные» встречаются сегодня всё чаще и чаще: число таких книжных магазинов растёт, их поклонники множатся. Мы попробовали разобратся в феномене и понять, что это и кому это нужно.

Если вы родились не в начале нулевых, а раньше, то наверняка уверены, что человеческая культура «литературоцентрична», а смысл всего остального (живописи, музыки, кино, театра, фотографии и так далее) можно постигнуть только через книгу. Кажется, так было всегда: русскую культуру олицетворяли классики литературы, из всех искусств именно литературу преподают детям в виде школьного урока, это до сих пор остаётся важной частью формирования мировосприятия.

Но, тем не менее очевидно, что раньше книга была чем-то иным, чем сейчас. Сегодня книги не читают, не покупают, люди не знают, что делать с библиотеками, доставшимися по наследству. Ситуацию с «чтением» немного спасают новые электронные устройства, но они глобальной тенденции не меняют, а если говорить о печатной книге, то наоборот — усугубляют её.

Правда, каждый год на книжных ярмарках, в том числе на Красноярской ярмарке книжной культуры, купленные книги измеряют в тоннах, отправляющихся обратно к издателям книг почти нет. Этот факт говорит в пользу того, что книги (и читатели) всё-таки не умерли. Ярмарки привлекают к себе посетителей и покупателей лучшими и новыми книгами, встречами с авторами, лекциями, открытыми чтениями прозы и стихотворений, обсуждением новых тенденций, дискуссиями, мастер-классами, развитием околонишного искусства, общением читателей друг с другом, «тусовкой».

«Новые книжные» работают по той же схеме, но не раз в год, а каждый день. Московский «Фаланстер» теперь не просто независимый магазин, но буквально «Мекка» для читающих. В Санкт-Петербурге «Порядок слов» организует культурные события, причём не только массовые (например, частые лекции о кино), но и узконаправленные, вроде исследования финской поэзии. Возникший на волне культурной революции в Перми «Пиотровский» стал выразителем «столичности», но в отличие от некоторых других нововведений тамосней культурной революции никуда не делся. Самый маленький из всех возможных магазинов «Собачье сердце»

в Новосибирске (метра полтора в диаметре) доказывает, что жизнь книги возможна не только на стеллажах и полках. К слову, в Красноярске в прошлом году открылись сразу два таких магазина — «Бакен» и «Федормихалыч» (который затем расплодился ещё и «Корнейванычем»).

На фоне общей информационной грамотности (кроме чтения электронных книг можно заказывать через Интернет и книги печатные — без посредника, у издательства, а значит, без наценки), когда обычные книжные магазины закрываются (в нашем городе за последние два года исчезли «Книжный мир», «Русское слово», «Литэкс»), «новые книжные» развиваются, выполняя новые функции, обеспечивая новые виды взаимодействия между людьми и тем самым воспитывая другое отношение к книге.

Ассортимент книжных полок здесь может отличаться от привычного масс-маркета (и даже сами книжные полки могут отличаться). Здесь то, что больше нигде не встретишь, здесь новинки независимых издательств, необычные журналы и газеты, издающиеся в России (литературный толстый «Носорог», андеграундный «Метрополь», газета «Гедонист» формата А3 с прекрасными фотографиями и уточнениями, что её чтение займёт 27 минут, а пролистывание — 4). Или же — новые издания классики, целые полки с красноярскими и сибирскими авторами. Ещё — возможность по крупницам собрать всю прозу ЦВЕТАЕВОЙ или купить сразу семитомник «В поисках утраченного времени» ПРУСТА. Если вы урбанист — желто-сине-розовые книги «Strelka Press»; архитектор — журналы «Speech» и «Татлин»; философ — 13 томов НИЦШЕ. Можно следить за новинками, ожидать свежего привоза, но самое привлекательное в этих книжных — всё то, что они достраивают в общественную жизнь помимо книжных полок.

Например, здесь возрождаются устаревшие когда-то встречи с авторами, которых теперь мы мало знаем в лицо. Если не считать ежегодных общегородских событий (КРЯКК, «К.У.Б.», Большой книжный день, Библионочь), только здесь, в новых книжных, скажем, можно послушать только что дописанный роман красноярского писателя (с периодичностью Дмитрий КОСЯКОВ прочитывает вслух свежие тексты). Топ-продаж «Бакена» за прошлый год возглавляли две книги сибирских писателей: «Ильгет. Три имени судьбы» Александра ГРИГОРЕНКО и «Избранное» Михаила ТАРКОВСКОГО — может быть, именно потому, что в этих стенах можно было встретиться с авторами,

Получила «Карту любимого читателя» в «Федормихалыче»!

узнать их лучше. Казалось бы, уже умершая культура чтения вслух тоже возрождается — раз в неделю люди собираются в книжном клубе «Кракен» и читают по ролям пьесы и трагедии, например, «Горе от ума» Александра ГРИБОЕДОВА, или «Антоний и Клеопатра» Уильяма ШЕКСПИРА.

Начинать надо с детства — и проект «Чуткие чтения» (для детей от двух с половиной лет) распаивает книги настёжкой для родителей и их детей, знакомя с лучшими произведениями, укрепляя интерес и любовь к чтению. По признанию директора «Федормихалыча», главные покупатели магазина — молодые мамы в возрасте от 25 до 35 лет с высшим гуманитарным образованием, которые «немножечко устали в декрете» и у которых есть потребность в саморазвитии. У их детей не будет шансов не полюбить книги.

Важная, но утраченная традиция обсуждения книг здесь также приобретает своё первоначальное значение. Упомянутый книжный клуб, собирающийся еженедельно, в апреле обсуждал «Так говорил Заратустра» Ницше, «Дьявол и сеньорита Прим» КОЭЛЬО, «Луна — суровая хозяйка» ХАЙНЛАЙНА...

Ещё один любопытный формат — когда интересные люди готовят рассказы о какой-то книге и выступают, с одной стороны, как специалисты, с другой — задают тон общению. В их распоряжении полчаса, которые они могут потратить на свои впечатления или же на обсуждение книги; все тексты обычно заранее известны, потому что приходиться могут подготовиться. Такими специалистами уже были критики, преподаватели, поэты, искусствоведы, кураторы, путешественники — некоторые встречи можно послушать в Интернете и приобщиться заочно.

Эти специалисты «из народа» — ещё одна тенденция, поддерживающая «новые книжные» как просветительские проекты, осуществляющие гуманитарную деятельность. Сегодня законодатели вкуса — не мифические сверхинтеллектуальные закрытые сообщества, а именно социальные группы, небольшие товарищества. Для них важны не мейнстримные авторы, а не унифицированные писатели, культивирующиеся в книжном пространстве: каждый человек может найти автора, который его заинтересует. И книга для таких сообществ — не обычный источник информации, а что-то, что образует человека, формирует среду. Здесь же решается проблема связи с последующими поколениями, сохранение книг: большие части магазинов отданы под букинистическую литературу, любые подходящие пространства (подоконники, даже пол) становятся пристанищем для старых «ненужных» книг — и они оказываются нужны кому-то другому.

Кроме прочего, независимые книжные магазины формируют читательский вкус. Если посмотреть на статистику продаж за последний год, то окажется, что среди книг, которые больше всего покупали россияне, «50 оттенков серого» Э.Л. ДЖЕЙМС, «Инферно» Дэна БРАУНА, пронзительная история любви без хэппи-энда «Виноваты звёзды» нового кумира подростков Джона ГРИНА, «Огненный перст» Бориса АКУНИНА. Эти «давно ожидаемые издания, полюбившиеся читателям книги» невозможно найти ни в «Бакене», ни в «Федормихалыче» — их туда никогда не привезут. Лидеры продаж в «Федормихалыче»: «Культура Два» Владимира ПАПЕРНОГО, комикс «Маус», лауреат Пулитцеровской премии, книга о связи человека с местом его обитания «Гений места» Петра ВАЙЛЯ и так далее. «Бакен», кроме описанных выше «местных» книг, распространяет много изданий по искусству («О духовном в искусстве» Василия КАНДИНСКОГО, «Символическая история Европейского Средневековья» Мишеля ПАСТУРО), нон-фикшн («Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь» архитектора Кэролин СТИЛ, «Мы — это наш мозг» Дика СВААБА) и даже книги о самих книгах: «Не надейтесь избавиться от книг!» двух европейских интеллектуалов Жана-Клода КАРЬЕРА и Умберто ЭКО. Последняя книга — о том, что как бы ни менялись способы передачи информации, сколько бы ни говорили о смерти бумажных книг, чтение было и будет предметом любви. Похоже, никто из посетителей «независимых книжных» и не думает иначе.

Олеся ПОЗДНЯКОВА

Лекция Анны Груздевой, куратора проекта «Сибирь и точка»

Чуткие чтения на Большом книжном дне

В книжном клубе «Федормихалыча» в мае обсуждались: «Портрет», Николай ГОГОЛЬ; «Ночь в Лиссабоне», Эрих Мария РЕМАРК; «Убить пересмешника», Харпер ЛИ; 26 мая вы можете попасть на разговор о «Дюне-2» Фрэнка ГЕРБЕРТА.

Список возможных будущих чтений в книжном клубе «Кракен» (можно поучаствовать в выборе в группе ВК):

«Кориолан» Уильяма ШЕКСПИРА,
«Антигона» СОФОКЛА,
«Калека с острова Инишмаан»
Мартина МАКДОНАХА.

Из неопубликованного

Только что вышедший том «Версикулы (мысли одной строкой)» — это третья книга афоризмов доктора биологических наук Николая Александровича СЕТКОВА. А вообще у учёного уже целая библиотека собственного сочинения. Это и книга «У слов история своя» (этимология слов, сопровождаемая занимательными рассказами); и «Анатомия биологических терминов» — настоящий фолиант на 900 страниц, при этом автор трудится над вторым изданием, расширенным примерно до полутора тысяч страниц. А ещё есть огромное количество сборников, где Николай Сетков публиковал свои произведения — стихи, эссе, рассказы...

Сегодня мы предлагаем читателю то, что не вошло в последнее издание афоризмов и размышлений.

Н.А. Сетков

«Verba volant, scripta manent» — Слова улетают, написанное остаётся.

Зачем пишу? Просто хочу понять, что с нами происходит, понять, как жить дальше. Что имеет истинную и непреходящую ценность, а что представляет собой только сиюминутное и наносное или эфемерное, или из области распространённых и устойчивых заблуждений.

Увы, приходит время, и начинаешь жить так, будто провожаешь уже никуда не идущий поезд, давно стоящий в тупике.

Счастье всё-таки очень острое чувство, поскольку всегда находится рядом с болью. Живёшь и постоянно режешься о счастье, как об острый осколок стекла.

Очень жаль, что наши собственные мысли никогда не ошеломляют нас своей банальностью.

У педагогики и образования всегда одна главная задача — формирование нового интеллекта на основе старых представлений о нём и в рамках культуры уходящего прошлого.

Озарение — это состояние, при котором человек творец улавливает свет, исходящий из беспросветной тьмы.

Мы совершаем несметное число ошибок, на исправление которых нет ни сил, ни времени. И ещё не было такого человека, который задержался бы на этом свете, чтобы исправить всё, что натворил за свою жизнь. И потому, давно и не нами, был придуман сентенциозный императив: «Бог простит».

На чужой каравай ширинку не «расстегай».

Многие хотели бы заняться в жизни настоящим делом, но им, увы, всегда не хватает на это ни сил, ни времени.

Как правило, почти ничего не делая, по крайней мере, нужного и важного, мы постоянно говорим, что вечно заняты.

Обычно за женщинами бегают только те мужчины, кто хорошо умеет от них убегать.

А что если люди будущего будут существами, превратившимися в человеческие муляжи, наподобие целлюлоидных кукол, с пластиковыми душами и синтетическими чувствами, определяемыми встроенными микрочипами.

Старость — финальный результат усталости от жизни.

***
Если работа приносит только деньги, это не работа, а подёнщина или даже рабство. Но абсолютное большинство людей предпочтут такую работу, лишь бы платили больше.

***
Человек, всегда говорящий только правду, скорее прославится лжецом, чем записной лгун.

***
Если только в детском возрасте простительно путаться в штанах и соплях, то почему же тогда в мыслях простительно путаться в любом?

***
Пожилый возраст — это собственное, никому невидимое, но часто посещаемое кладбище несостоявшихся надежд юности.

***
Оригинальность мысли — это способность извлекать знания из неподходящих для этого источников.

***
Чтобы всегда считать себя счастливым человеком, надо под счастьем понимать просто самую возможность жить.

***
Если в душе бунтарь затих.
И чувствуешь, что назревает что-то.
Это любовь — сотаинство двоих
В рождении солнцеворота.

***
Ощущение катастрофы мира возникает тогда, когда видишь, что те, кого считал личностями, вдруг начинают превращаться в особей. Особенно страшно, если это происходит повсеместно.

***
Сотовый эсэмэсочный телефон и Интернет окончательно убили эпистолярный жанр, а заодно и глубокую грамотность. Но самое страшное заключается в том, что они убили и любовь к родному языку.

***
Никогда не забывайте о праве на ошибку, поскольку нет права на истину ни у преподавателя, ни у священника, ни тем более у начальника.

***
Главный результат деятельности школы — усреднение учеников. Образование ставит шлагбаум на пути развития экстраординарных личностей и талантов. И это правильно, поскольку большинство людей должны просто работать.

***
Самый совершенный способ достижения счастья — никогда не докучать себе внутренним самоедством. Для совестливых людей он практически недостижим.

***
Осень — жалобная книга уходящего в небытие лета.

***
Совершенная красота — это красота неповторимая, мимолётная и жертвенная.

***
Если хочешь, чтобы тебя ненадолго запомнили, публично сморозь глупость. Если хочешь, чтобы запомнили надолго — обмани.

***
Польза от Интернета очевидна; он многих освободил от настоящей работы.

***
Беда не в том, что везде дураков много, беда в том, что они оказываются там, где их не должно быть совсем.

***
Чтобы жить счастливо, нужно научиться жить, не думая о времени, т.е. жить, упуская его без тоски и надрыва, что чего-то опять не успел и куда-то опять опоздал. Увы, люди сами загнали себя в жестокое гетто цейтнота.

***
Люди должны понимать, что нельзя безнаказанно всё время быть сытым. Это противоречит биологической природе человека. Научитесь сознательно, кратковременно, спорадически голодать — и это снимет многие ваши проблемы с внешним видом, здоровьем и душевным дискомфортом.

***
Учёными не рождаются, учёными случайно становятся люди, не способные приспособиться к нормальной человеческой жизни.

***
Увы, судьба, как уличная девка, всегда легко сообразится случаем.

***
Университет для учёного должен быть стойбищем, а не беговой дорожкой без финиша.

***
Не надо про снег, он кружится опять,
И ровным ковром укрывает округу.
Не надо про жизнь, она катится вспять,
Когда день за днём пробегают по кругу.
Не надо стесняться заплаканных глаз,
В загатнике жизни есть скорбные даты.
Не надо растрачивать скудный запас,
Ещё до того, как придёт час расплаты.
Не надо жалеть о несбывшихся снах,
Не надо судить тех, кто скроен иначе.
Умны и красивы мы только в мечтах,
И чаще в мечтах нас балует удача.
Не надо в ночи душу рвать на куски,
Не надо с тоской вспоминать про утраты.
Два полюса жизни предельно близки
В потоке времён, нас несущем куда-то.
Не надо любовь виноватить во всём,
Не надо не верить в разлуках друг другу.
Мы счастливы тем, что мы всё же живём,
Когда день за днём пробегают по кругу.

***
Рисую выпуклые мысли

***
Уюта нет среди изысканных удобств
Покой души не сохранить комфортом тела

***
Утверждаю, что люди, потерявшие интерес к миру и переставшие учиться, стареют быстрее.

***
Самая большая ложь нашей жизни заключается в том, что мы обычно считаем себя правдецами.

2015 г.

Комментарий

В.Ф. ШАБАНОВ,
академик РАН
(из предисловия
к книге «Версикулы»):

«... В отличие от большого количества вышедших в последние годы книг афоризмов великих мыслителей эта книга поражает своей правдивостью современного миропонимания. Несомненно, этому способствуют энциклопедические познания автора в области современной молекулярной биологии, геномики, биомедицинской анатомии, физиологии и психологии человека. В ней можно найти ответы на многие нравственные проблемы, встающие каждый день перед современным человеком, и потому она может стать добрым советчиком пылливому и неравнодушному читателю».

Раритет: тираж строго ограничен

Тема этого номера невольно заставляет вспомнить главное книжное событие в красноярской культуре — КРЯКК, а также то, что на последней ярмарке проходил ряд событий, посвящённых современному развитию книжной культуры и культуры книжного иллюстрирования под названием «Книжный дизайн». Некоторые из этих событий раскрыли новые аспекты современной жизни книг.

Выставка книг-победителей конкурса книжного дизайна «Жар-книга»

Для того чтобы в современном электронном мире печатный формат книги не утратил своего значения, многие издательства привлекают к созданию своих книг ведущих, изобретательных и оригинальных книжных дизайнеров, которые создают уникальные книги. Чтобы наслаждаться и оценивать художественные качества каждого подобного издания, был создан национальный конкурс дизайна книги «Жар-книга». Такие книги можно было увидеть и полистать на выставке в рамках КРЯКК,

наверное, некоторые из них можно найти в библиотеках и, вероятно, их совсем уж непросто заполучить в личную коллекцию, поэтому хотя бы в какой-то мере познакомиться с изданиями-победителями можно на сайте www.zharkniga.ru. Подробнее рассказать о трендах в современном иллюстрировании книг, о потенциале дизайна в борьбе с распространением формата электронной книги, а также о книгах-победителях на ярмарку приезжал член жюри конкурса Иннокентий КЕЛЕЙНИКОВ.

Графические романы

Вторым открытием на красноярской ярмарке стало знакомство с современными тенденциями в развитии искусства комикса. С одной стороны, некоторые молодые люди сегодня издают российские комиксы, которые можно было бы противопоставить раскрученным американским комиксам — об этом на ярмарке рассказывал Владимир ЛОПАТИН, в мире комиксов более известный под псевдонимом Питерский панк, участник проекта Live Bubbles — творчески-издательского дуэта, создающего комиксы.

С другой стороны, помимо развлекательно-фантастических комиксов о супергероях сегодня выходит большое количество более серьёзных комиксов, которые, чтобы отгородить от более легкомысленных собратьев, даже начали называть серьёзные —

графические романы. Представляют собой рисованные книги на философские и социально проблемные темы. Так, во время ярмарки я успела познакомиться (прочтение подобного романа занимает не более часа) с меланхоличной историей библейского антигероя Голиафа, который в книге Тома ГОЛДА вместо великана-зазнайки предстаёт обречённым судьбой и его генералами на трагичное сражение с Давидом; а также с рисованной в пронзительно экспрессионистском стиле историей просветленного алкоголика в романе под названием «Стигматы».

Насколько я поняла, в Россию подобное явление только приходит, поэтому то небольшое количество графических романов, которое можно купить в магазинах, — это преимущественно переводные издания. А развитие подобного направления, вероятно, можно оправдать небезызвестным визуальным поворотом в современной культуре, где серьёзный текст без сопроводительных картинок может кануть в небытие в силу отсутствия интереса к «монотонному» чтению у широкой аудитории.

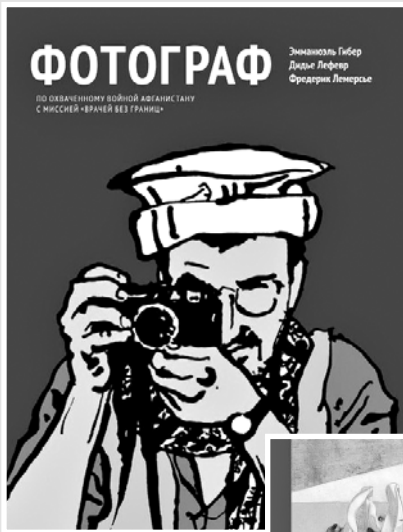
ЗИНЫ

Третьей составляющей программы была выставка так называемых ЗИНов — самостоятельно изданных книг. Название происходит от сокращённого английского *magazine*; возможно, первоначально оно от-

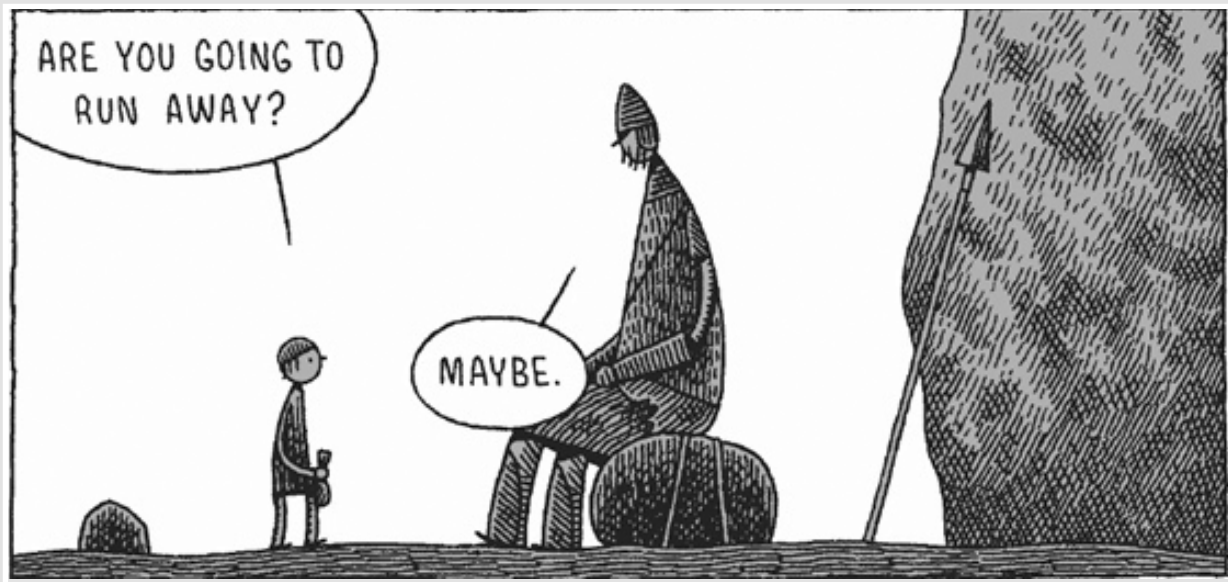
носилось к независимо издаваемым журналам, а сегодня распространилось на все самостоятельно выпущенные книжные формы.

На выставке было представлено более 100 книг, собранных в городах по всей России — Москва, Санкт-Петербург, Самара, Нижний Новгород, Новосибирск, Томск, Тольятти и др. Здесь были объединены как «рукодельные» книги с авторскими рисунками, приготовленные в единичном экземпляре, так и печатные книги, выпущенные небольшим тиражом, которые можно было даже купить.

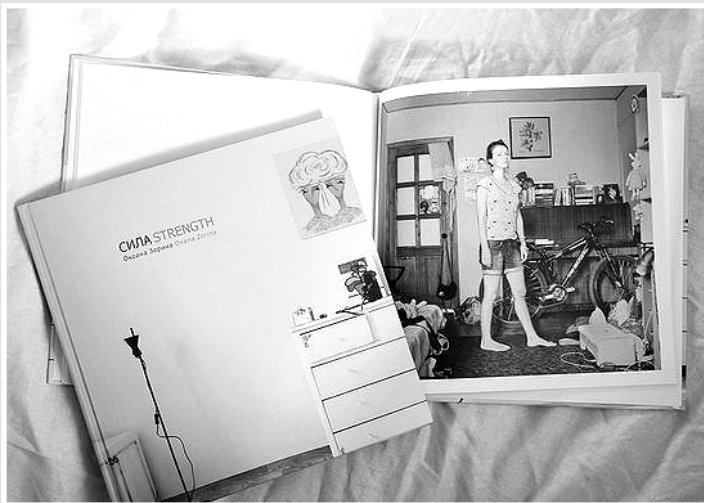
Выставка называлась «Сам издам», её куратор Валерия ВЕТОШКИНА, в частности, обращала внимание на историческую связь современных ЗИНов с советским самиздатом, конечно, с существенными отличиями. Если в советское время самиздат являлся единственной возможностью выпускать и распространять запрещённую литературу, то современный самиздат — это, с одной стороны, попытка преодолеть законы коммерческого рынка и конъюнктуры изданий, выпуская что-то вне всяких трендов, не подчиняющееся законам коммерции и т.п. С другой стороны, ещё одна из возможностей творчески реализоваться любому человеку в современном мире, где творчество порой становится единственно доступным занятием. Особенно подобный формат привлекает фотографов, для которых книжная, самостоятельно с любовью организованная коллекция

↑ →
Графические романы

↑ Том Голд. Голиаф

←
Оксана Зорина.
Книга «Сила»

↑ Разворот книги из серии «Имена» (А. Дайнека, К. Малевич, В. Мамышев-Монро, Д. Пригов, В. Архипов) — Гран-при конкурса «Жар-книга»

собственных фотографий — порой даже более выразительный и подходящий формат для презентации своего творчества, нежели выставка.

Мы расспросили нескольких красноярских участников выставки ЗИНов о том, как они пришли к идее выпуска собственной книги, что за книги они издали, а также что принёс им этот опыт.

Алиса РА, художник. Книги «Птичка оригами», «Тело» и «О главном» (рисованные книги в единичном экземпляре)

— Я художник, и создание книги для меня — ещё один способ самовыразиться. Любой новый материал или форма исполнения вызывает у меня интерес, хочется тут же попробовать. Когда столкнулась именно с задачей создать книгу художника, то подумала — а почему бы и нет! И сделала одну, а там и ещё две.

У меня всего три книжки, и все они по моим же историям. Первая — про жизнь некоего тела, вторая — про лысого мальчика и его бабушку, а третья — про мою любовь к фотоаппарату и фотографированию. Все три в разном исполнении, но объединяет их то, что сделаны в графике. В них размещены небольшие иллюстрации, которые помогают читателю составить полную картинку происходящего.

Это хороший опыт, потому как это дало чёткое понимание того, что я могу спокойно писать рассказы и оформлять их вот в такой незатейливый формат. Это помогло преодолеть страх самовыражения, страх публикации своих произведений.

Когда я делала третью книжку, то мы пробовали её сканировать и тут же распечатать; стало понятно, что можно таким простым способом при необходимости размножить книгу. Благо она не толстая! И от того, что мы её вот так откопировали, она приобрела дополнительный шарм, что ли.

Я считаю, что при желании любой сможет сделать свою книгу. Главное, чтобы она вызвала интерес у проходящего мимо неё человека. Ну и чтобы она нравилась самому автору.

Так что размножить можно и дома на принтере. От этого она будет только ценнее, будет нести своё гордое звание самиздат!

Ольга САМАРИНА, графический дизайнер. Книга «КВАРТЕТ» (создана в рамках учебного курса Красноярского художественного института в единственном экземпляре)

— У нас было два проекта, посвящённых книгам, один из самых интересных и раскрепощающих — это «Книга-образ», где мы разрабатывали дизайн-концепцию многостра-

ничника. За основу брали небольшие рассказы, басни, стихи... Сложность была передать образ, при этом не иллюстрируя содержание. Книгу выполняли вручную, только на последнем этапе оцифровывали и дорабатывали в программах. Каждый автор искал своё графическое средство. Это и книга-iphone, и книга — глянецовый журнал, образ находили в городской среде (в объявлениях) и т.д.

Как пример — «КВАРТЕТ», дизайн-концепция многостраничника на тему рок-музыкантов. Басня Крылова «Квартет» подаётся в новом образе. Звери — Мартышка, Осёл, Козел и Мишка — превращаются из просто героев басни в современных рок-музыкантов. Идёт творческий процесс, обсуждение, каждый старается друг друга перекричать, быть ведущим, внести свою нотку. И только мудрый Соловей знает: для хорошей игры в команде нужен профессионализм.

Произведение насыщено ритмами: то спокойное повествование идёт, то обсуждение музыкантов, бурная игра на инструментах. Ритм произведения перекладывается на книгу в виде эмоциональной графики, фактуры, нити, выступающие в роли струн.

Форма книги в виде музыкального компакт-диска, состоящего из многостраничного буклета с текстами песен и иллюстрациями, к книге прилагается диск с произведениями группы «КВАРТЕТ». Было бы здорово,

если бы такие книги у нас продавались!!!

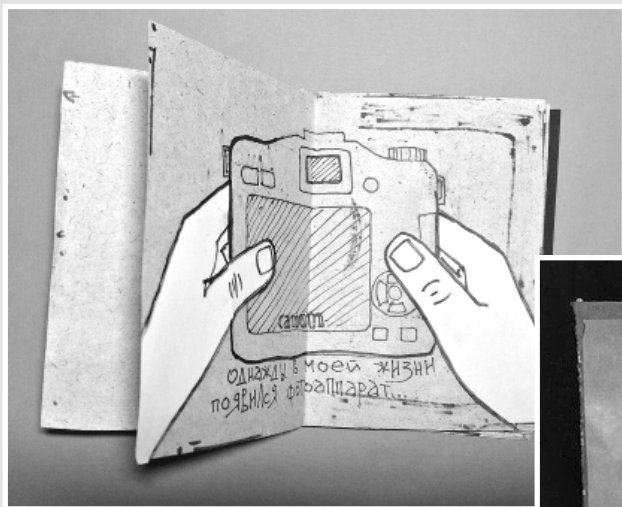
Оксана ЗОРИНА, фотограф. Книга «Сила» (фотозин, тираж)

— Я снимала фотопроjekt в Красноярске два года, и мне хотелось довести его до ума — оформить во что-то готовое. Формат книги понравился тем, что это не так дорого, как выставка, и в то же время это не компьютерное изображение.

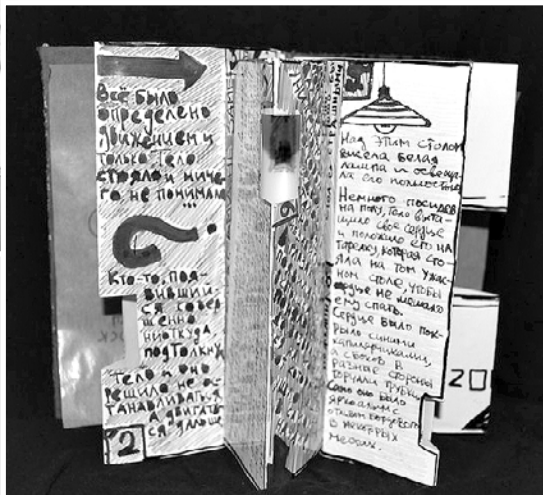
Фотозин посвящён моим современникам, вернее, современницам. Я снимала девушек 18-20 лет у них дома. Мне хотелось запечатлеть тот мир, в котором они живут, как внешний, так и внутренний. Для книги я написала вступительный текст, а среди фотографий добавила фразы из интервью с участницами съёмки.

Мне повезло, потому что этот фотозин я издавала не за свой счёт: в «Пилоте» как раз проводился конкурс, и мне дали небольшой грант, поэтому тираж получился аж 12 книг. Опыт оказался очень интересным, но и хлопотным: пришлось разобраться с программой для вёрстки, отпечатать пробные листы, а потом и экземпляр в московской типографии, которая специализируется на малом издате. И уже после поправок цвета в снимках и резкости (при такой печати она почему-то сильно снижается) смогла получить в руки долгожданную книгу.

Александра СИТНИКОВА

↑ Алиса РА. Про фотоаппарат

→ Алиса РА. Тело

→ Питерский панк

О, ЭТИ БУДНИ ПИТЕРСКИЙ ПАНК

← Книга «КВАРТЕТ»

↑ Sine Anno, Sine Loko. Ольга Минибаева. Финалист конкурса «Жар-книга»

Книга, в которой мы живём

Хотим мы этого или не хотим, радуемся этому или страдаем, но как только оказываемся в городе, начинаем его читать. Потому что город — книга: справочник, учебник, исторический роман, дневник...

Справочником для нас служат указатели и таблички, вывески (ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР, ПОЛИКЛИНИКА, ЗАГС) и надписи на дверях (МЫ РАБОТАЕМ...; МЫ ОТКРЫЛИСЬ!). Этот справочник самый точный, ещё нигде не записано, а вывеска уже другая — каждый вспомнит такие ситуации: тут продавали джинсы, а теперь ЦВЕТЫ; была парикмахерская, а теперь — СВЕЖЕЕ ПИВО.

Этот справочник доставляет нам радость открытия нового в своём городе и сожаление от исчезновения (кому-то дорогих) городских заведений. Это может радовать (город растёт и изменяется!), а может раздражать (вечное «шёл в комнату, попал в другую»). Но с этим фактом ничего не поделаешь: не всегда в книге города найдёшь знакомую страницу.

Учебником городская книга становится для маленького горожанина. Он может научиться читать по городским вывескам, а уж сколько новых для себя слов может узнать... «Что такое ПАРАДИЗ?» — спрашивает ребёнок, прочитав вывеску. Мама ему объясняет, что это «рай» по-другому. А он тут же уточняет: «Это где фрукты продают?» И удивления не вызывает: в прошлый раз обсуждали вывеску ФРУКТОВЫЙ РАЙ.

На сегодняшних вывесках такое количество неизвестных даже взрослым слов, что по городу надо ходить с группой переводчиков — чтобы сначала узнать, с какого языка переводить. Вот московские кафе: ГРЭЙС-БАР, АЁ — вы сможете объяснить, что это значит?

Но это хотя бы написано по-русски. А вот кафе UPSIDE DOWN CAKE CO вы ещё попробуйте прочитать. Прочитав SUKAWATI, SHAMROCK, NONAME, SCHUMLI — что-нибудь поймёте? А всё это — вывески петербургских ресторанов, кафе и кофеен...

Современный город — книга на множестве языков, на разных алфавитах и, кажется, уже иероглифах. Иногда с переводом, иногда — без. Рассчитано на высокую языковую культуру, даже полиглотов горожан. Выходит, город — книга для полиглотов.

Исторический роман города написан, слава богу, на русском языке. Это многочисленные надписи на памятниках и памятных знаках, мемориальные таблички, рассказывающие, что и с кем происходило в разных точках городского пространства, начиная от точки его основания. Если у Красноярска и других сибирских городов этот роман начинается с XVII века, то, скажем, в Великом Новгороде можно прочитать табличку на храме «Построен в 1117 — 1119 гг.» — и от вычисления исторической дистанции немного закружится голова.

Имена тех, кто значится на этих памятниках и табличках — герои исторического романа, знакомы горожанам с самого детства, и именно с них начинается для каждого большая история. Особенно хорошо выучиваются такие имена, запечатленные на табличках с именами улиц — ведь их приходится слышать и повторять каждый день. Это роман, который всегда с нами: ДУБЕНСКИЙ, СУРИКОВ, МОЛОКОВ.

Дневником становится та часть городской книги, которая появляется на время и отражает текущие повседневные события. Тут надписи о закрытии или ремонте заведений (ИЗВИНИТЕ ЗА ДОСТАВЛЕННЫЕ НЕУДОБСТВА) или сообщения типа ЗДЕСЬ БЫЛИ МЫ, наспех начертанные на автобусной остановке. Этот «бессмертный жанр» городской письменности считается мусором и выметается, стирается нещадно.

И тут мы можем сделать заметку об авторах книги-города. Большинство надписей сделано официальными инстанциями — будь то мэрия города или владельцы торгового цен-

— перемены происходят быстрее, чем мы их осознаём.

Вы заметили, что книга города становится всё плотнее, убористей? Тексты самые разные — от простой вывески ХЛЕБ до многоречевой рекламы — заполняют городское пространство, не оставляя для глаза ни метра пустого места.

Интересно, что ещё недавно тексты располагались только вертикально — на стенах, витринах, заборах. Но как-то неожиданно открыли, что для этого годится и горизонталь. Сначала эту текстовую целину освоили влюбленные горожане, они стали писать тексты на асфальте (журналисты прозвали их асфальтными серенадами) — от С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, ЛЮБИМАЯ до Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Обратив внимание на такие тексты, вы прочтёте под ногами много искренних слов, адресат которых иногда называется по имени, поэтому читающие их прохожие чувствуют себя немного подсматривающими. А на асфальте одного университетского двора видела крупное УЛЫБАЙТЕСЬ, обращённое ко всем.

тра. В таких случаях как будто сам город обращается к горожанам.

Но бывает и так, что отчаянные горожане начертывают нечто о своём присутствии или своей любви. Как неофициальный голос воспринимаются и названия небольших магазинов, которые и в эпичности вывесок уступают торговым гигантам, и стилем от них отличаются. Магазины ЛУКОШКО, ГАРДЕРОВЧИК, СКРЕПКА, парикмахерские БУКЛЯ или МАРАФЕТ вносят в книгу города интонацию неприязнательности и вызывают у горожан улыбку. На улыбку рассчитывают и авторы игровых вывесок, как, например, магазины обуви под названием ВАША ПАРА или ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА.

На фоне полиглотов возникли и игры с иноязычными словами: маленький магазин СТОЛБЕРИ обыгрывает созвучие формы русского глагола брать и английской ягоды — berry, которая известна русским покупателям, например, марки телефонов BLACKBERRY и магазинной мобильной техники. Сегодня языковая игра в книге города ценится и потому является буквально там и тут.

Если содержание этой книги и стилистику с её ожидаемыми и неожиданными эффектами мы воспринимаем без трудностей, то о её устройстве стоит поговорить, тем более что оно и постоянно, и изменчиво

— во весь кузов. Она-то проехала — и нет её, а неподвижная реклама притягивает глаз красивыми лицами, цветами и автомобилями... Никогда в городе не было столько разнообразных изображений такого масштаба.

Но основу визуальной части города составляет его вечная часть — ландшафт, отличающий его от других городов и объединяющий память многих поколений горожан. Неповторимый ландшафт Красноярска или Петербурга невозможно забыть. В них сплелись воедино природа и человеческие творения. Петербург, как известно, организован горизонтально — Невы, каналы и проспекты; Красноярск — перепадом вертикальных линий Сторожевой сопки с вытягивающей её вверх часовой и горизонтальной Енисея. И всякое новое сооружение вписывается (хорошо и плохо) в эту ландшафтную первооснову, за которую петербуржцы готовы бороться всем городом — это часть книги всех и каждого.

В отличие от книг бумажных, в городе-книге есть и незримые страницы. Их прочитывает только знающий человек. Поэтому так интересно гулять в незнакомом городе со знатоком: он расскажет, что здесь было раньше, почему стало так, кто за этим стоит и что это значит, почему так называется и какие ещё у этого места есть имена. Он даже может знать, что здесь когда-то будет.

Незримые страницы городской книги выделяют особую касту читателей-знатоков.

Но есть незримые страницы, которые в своём городе умеет читать каждый: это места, отмеченные его биографией. И даже в спешке, в тесном автобусе глаз отмечает «моя школа», «тут я в садик ходил», «здесь мы любили встречаться с одним парнем»...

И хотя понятно, что это не только «твои» места, они дороги сотням горожан, от этого сентиментальность прочтений не уменьшается, и именно эти страницы делают город родным.

Текст этой книги оказывается отражённым в тысячах буквенных и визуальных текстов — стихов, романов, путеводителей, публицистических статей и путевых заметок, картин и альбомов фотографий. Узнавание его составляет особое культурное переживание. Есть всеми любимые строки о городах — и пушкинское «Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид...», и лермонтовское «Москва, люблю тебя как сын...», а есть известные только жителям небольших городов. И все они тоже входят в книгу города — как её поэтические страницы, которые иногда бывают написанными и в самом городе.

Город — это книга, в которой мы живём. И которая живёт в нас. Не потому ли нам так нравится узнавать новые города — как новые книги. Их мы увозим с собой и потом всегда радуемся, встретив «цитату» из знакомой книги...

Татьяна ШМЕЛЕВА,
профессор Новгородского
университета

Не вырывать страниц

«Книги — корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению». **Фрэнсис БЭКОН**

Так случилось, что накануне 70-летия Победы мне довелось в один день побывать на двух мемориалах в соседних районах на северо-востоке края — Тасеевском и Дзержинском. В селе Тасеево комплекс «Воинам-землякам от благодарных тасеевцев» обустроен в 2013 году за 6,7 миллионов рублей из краевого бюджета. Монументальный воин с неизменным автоматом ППШ и фамилии земляков на полированных каменных плитах вокруг выглядят солидно и... слишком привычно.

Совсем не то — «Книга памяти» в Дзержинском, созданная в 2012 году по инициативе и на средства, собранные самими дзержинцами. Вообще-то первый обелиск павшим в годы Великой Отечественной войны установили на площади райцентра ещё в далёком 1973 году, но это обезличенный монумент, на котором нет фамилий конкретных людей.

— Первоначально мы ставили перед собой задачу увековечить имена всех погибших во время Великой Отечественной войны дзержинцев, ведь по сей день здесь живут дети, внуки и правнуки едва ли не каждого из них, — вспоминает глава района Дмитрий АШАЕВ. — Было много разных проектов... А тут как раз, благодаря усилиям районного Совета ветеранов, была издана «Книга памяти», в которой рассказывалось обо всех наших ветеранах. И нам подумалось: почему бы не сделать и мемориал в виде «Книги памяти»?

Идея необычного памятника, которую предложило руководство района, пришлась по душе дзержинцам. Совет ветеранов опубликовал обращение в местной газете, и ручки пожертвований потекли на спецсчёт. Более тысячи дзержинцев помогли созданию мемориала деньгами.

— Это по-настоящему народный памятник, — говорит председатель Дзержинского районного Совета ветеранов Екатерина ТРОЯЗЫКОВА. — Эскиз его выполнил преподаватель районной школы искусств Георгий ЖУРАВЛЁВ, разработку проекта заказал и оплатил руководитель ЗАО «Большеуриновское» (а ныне ещё и депутат Законодательного Собрания края) Николай КРЕМИНСКИЙ. Очень нам помог Красноярский бизнес-инкубатор, металлические страницы изготовили на Красмаше (дополнительный список они изготовили вообще бесплатно), венчающую надпись «Книга памяти» за символическую цену сделали в Канске — в общем, с миру по нитке. Все элементы собрал воедино местный умелец и рационализатор Сергей ВОЛКОВ. Мы искренне благодарны всем, кто помогал строить наш народный мемориал.

В целом создание уникальной «Книги памяти» обошлось приблизительно в 600 тысяч рублей, лишь затем краевой бюджет поучаствовал в дальнейшем обустройстве мемориала грантом в 527 тысяч рублей.

Это действительно книга, на её гигантских металлических страницах, которые теперь часто перелистывают местные жители и гости, более пяти тысяч жителей Дзержинского района, ушедших на войну — домой из них вернулось менее половины. И сегодня в Совет ветеранов продолжают приходиться люди, которые называют своих родственников, не внесённых в необычную «Книгу памяти». Уже изготовлен дополнительный список, в котором 125 фамилий. Есть также идея увековечить в «Книге памяти» и тружеников тыла, ведь не зря говорят, что в годы Великой Отечественной войны фронт проходил и за линией фронта — в заводских цехах и на колхозных полях.

А вот от другой идеи — установить на мемориале танк — дзержинцев хотелось бы отговорить. Во-первых, здесь и без него уже тесно, а во-вторых, риску предположить, что бронированная машина разрушит возвышенно-печальную атмосферу, которая охватывает каждого, кто перелистывает стальные и в то же время как будто невесомые страницы «Книги памяти», вчитываясь во вписанные фамилии... Возможно, танку нашлось бы место на отдельном постаменте напротив — в сельском парке, тем более что такие воинственные экспонаты — любимые объекты для лазания детворы.

«Всё, что человечество совершило, передумало, всё, чего оно достигло, — всё это сохранилось, как бы волшебством, на страницах книг».

Томас КАРЛЕЙЛЬ

Книга памяти может быть бумажной, может — стальной, а может — устной, передаваемой в рассказах очевидцев. И если врагами первых двух являются природные факторы, стойкость к ним бумаги и металла, то врагом третьей — несовершенство человеческой памяти и её избирательность, обусловленная текущей конъюнктурой. Кроме общей для всей страны памяти о Великой Отечественной войне, в которой не достаёт ещё много страниц, у дзержинцев есть и своя особая «память места», и её книга тоже ещё не дописана, а некоторые страницы вообще вырваны...

Я говорю о Гражданской войне, которая закончилась на территории нашего края 95 лет назад. Чтобы написать своеобразную книгу памяти знаменитой в советские времена Тасеевской партизанской республики, историк и литератор Вениамин БОРОВЕЦ, родившийся в Красноярске, но большую часть жизни проживший в селе Денисово Дзержинского района, в 60-70-х годах прошлого века пешком исходил едва ли не всю территорию Абанского, Дзержинского и Тасеевского районов, записывая воспоминания тогда ещё живых очевидцев, изучая уцелевшие документы и материальные приметы времени. Именно на работах этого без преувеличения человека-подвижника базируется дзержинское как «взрослое», так и «школьное» краеведение. В районе некоторое время действовала программа «Тасеевская партизанская республика — взгляд из XX века», в ходе которой работники музея вместе с ребятишками проводили раскопки, с помощью металлоискателя нашли штык времён Первой мировой войны, остатки револьвера, много гильз... Теперь эти артефакты — музейные экспонаты.

Смена идеологических вех с «социалистических» на «капиталистические» запутала местных историков-краеведов. Если ранее дзержинцы наряду с соседями из Тасеева и Абана гордились своим «красным» партизанским прошлым, то как быть теперь? В затаившемся безвременьи уже утрачен один из местных памятников истории — нынешней весной в селе Денисово сгорел ветхий заброшенный дом местных коммунаров, которых в 1928 году посетил ставший легендой ещё при жизни Семён БУДЁННЫЙ. (На мемориальной табличке на этом доме, который я успел посетить летом 2014 года, ошибочно был указан 1926 год.)

А ведь на рубеже XX-XXI веков у денисовцев была идея создать на базе родного села музей Тасеевской партизанской республики... Теперь не до хорошего: красные партизаны и коммунары ныне «не в тренде». Что же, страницы об этом вырвать из истории? Как в советский период смущённо старались обойти стороной тот факт, что многие из легендарных тасеевских партизан были позднее репрессированы, а кто-то даже расстрелян НКВД...

От такой «экзекуции» любая книга, в том числе книга нашей памяти, перестаёт быть книгой и становится обложкой, за которой — пустота.

Если же страницы не вырывать, а наоборот, находить и вставлять в переплёт, внешний вид книги, может быть, и пострадает, зато содержимое станет неизмеримо богаче. История села Денисова сама за себя говорит, что оно как нельзя лучше подходит на роль партизанского музея. К тому же, несмотря на то что сгорел дом, где останавливался Будённый, целы другие постройки Денисовской коммуны и дома партизанских командиров.

— Партизанские отряды стали создаваться на территории нынешнего Дзержинского района с июня 1918 года в ответ на расстрелы белыми советских и партийных работников, грабежи крестьян, — поясняет директор Дзержинского краеведческого музея Вероника ДЮБИНА. — В селе Денисове было создано два конных эскадрона: один под командованием Ивана ШАДРИНА, другой под командованием Петра БЫСТРОВА и отряд лыжников под командованием Петра ДЮКОВА. После ряда боёв и карательных экспедиций белые сожгли Денисово до тла! Уцелела только одна банька на берегу реки. В 1920 году после окончания боевых действий денисовские партизаны вернулись на пепелище и основали здесь первую в Сибири сельскохозяйственную коммуну.

Думается, музей сибирского партизанского движения сегодня мог бы стать не новым поводом для разделения на «красных» и «белых», православных и нехристей-коммунаров, а наоборот — местом понимания и поминания и тех, и других. Чтобы это получилось, историей должны заниматься историки, а не пропагандисты (неважно какой масти). Книга же памяти должна быть по-настоящему глубокой и подробной книгой, а не «Кратким курсом ВКПБ» или цитатником Мао... Обилие информации, даже не очень кому-то приятной или не укладывающейся в пропагандистские клише, не сможет ей повредить.

Разве Георгиевскому кавалеру, ветерану Первой мировой войны, командиру эскадрона Тасеевской партизанской республики, громившему позднее ВРАНГЕЛЯ и МАХНО Ивану Шадрину повредит информация, которую скромно обходили стороной в советское время? В 1931 году Иван Шадрин, выступавшего против разгрома крестьянства путём насильственной коллективизации и изъятия продовольствия, советская власть, за которую он сражался, отдала под суд, и через год он умер в Иркутской тюрьме.

А информация о том, что в 1937 году органами НКВД был арестован и затем расстрелян автор первого советского романа «Два мира» Владимир ЗАЗУБРИН, белый офицер, перешедший в 1919 году со своим подразделением и оружием на сторону партизан? Героями его книги были как раз люди Тасеевской республики.

Да, все эти сведения порождают немало вопросов, на которые не всегда есть готовые ответы. Зато те, кто эти вопросы задают, могут искать ответы на них самостоятельно. В том числе — в книгах. Это самые разговорчивые собеседники, если, конечно, не вырывать страниц...

Андрей КУЗНЕЦОВ

На фото автора: дом партизанского командира Ивана Шадрина; Книга памяти в селе Дзержинском; реконструкция событий времён Тасеевской партизанской республики.

Гамлет в тридцатом колене

«Отчего современную драматургию невозможно читать? — огорошили меня недавно вопросом. — Почему так приятно взять в руки томик СТРИНДБЕРГА или Бернарда ШОУ, но не кого-то из новых авторов? Да и есть ли они вообще, новые авторы, во множественном числе?». Действительно, в книжных магазинах на полках с драматургией покупатель обнаружит от силы пару фамилий наших современников да несколько зарубежных антологий, изданных на деньги культурных меценатов, и то если повезёт. Но справедливо ли утверждение, что выбор в этой области скуден и что современные тексты вовсе не заслуживают серьёзного внимания?

Им несть числа

21–24 мая в Красноярске в седьмой раз состоится одно из важнейших театральных событий региона — фестиваль «Драма. Новый код». Ежегодно в драматическом театре им. А.С. Пушкина опытные и молодые режиссёры, а иногда и сами авторы в различных формах презентуют публике свежие пьесы отечественных драматургов. Качество сомнению не подлежит: фестиваль собирает сливки с других крупнейших аналогичных площадок, включая знаменитую Любимовку — главный драматургический форум России. Разбирать и комментировать тексты приезжают ведущие российские критики; кроме того, год назад на ДНК обозначились и местные авторы со своими любопытными текстами.

Однако аудитория мероприятия, несмотря на свободный вход и отсутствие каких-либо ограничений, из года в год составляет совокупно не более сотни человек, и в большинстве своём это люди, с театром связанные профессионально.

Между тем, столкновение с современной драматургией, если оно происходит без предварительной подготовки, чревато для консервативно настроенного зрителя культурным шоком. В том же театре Пушкина до сих пор свежа память о скандале, связанном с премьерой спектакля «Вий» двухлетней давности. Он, как честно указано в афише, был поставлен не по одноименной повести Николая ГОГОЛЯ, а по пьесе украинского драматурга Натальи ВОРОЖБИТ, это авторская интерпретация известного мистического сюжета с участием французских студентов, пьяных десантников и явлением панночки через Skype. Впрочем, читать афиши многими не принято, в отличие от выражения публичных возмущений «чересчур вольной трактовкой» классики, которые, к сожалению, постепенно становятся отличительной особенностью нынешних спорадических театралов.

Пьесы не просто есть; сочинение их в современной России — явление настолько массовое и даже модное, что сами авторы нет-нет, да пошутят в своих текстах над теми полчищами дилетантов, что пробуют себя на этом поприще. Отсутствие профильного образования, литературских навыков, жизненного опыта, даже простого знания театральных законов никого не смущает. Василий СИГА-

РЕВ, автор «Пластилина» и «Жить», в одном из интервью легко признался, что впервые посетил театр лишь на премьерке собственной пьесы. Число конкурсов, отсеивающих графоманов, исчисляется десятками, ведь игра стоит свеч: театр остро нуждается в свежих текстах, потому что, как метко заметил один из идеологов российской новой драмы, основатель знаменитого Театра.doc — «театра, в котором не играют» — Михаил УГАРОВ, всё время ставить ИБСЕНА и ЧЕХОВА — это как жить в родительском доме.

При этом театроведы и критики до сих пор не выработали единой внятной методологии (не говоря уже о тезаурусе — о термине «новая драма») споры ведутся уже десятилетия без какого-либо успеха) для изучения и классификации того, что в современной драматургии происходит. Задача эта нетривиальна: надо ведь найти место и тем же Сигареву с Угаровым, и, например, уральскому кудеснику Николаю КОЛЯДЕ с его, как многим кажется, грубоватыми, обывательскими сюжетами, и «неосентиментальному» Евгению ГРИШКОВЦУ, и десяткам других авторов первой величины, исписавших сотни страниц.

Проще говорить: мол, у каждого драматурга собственная стилистика, да подразделять их на бесконечные, ни о чём не говорящие постороннему человеку «волны». Пару лет назад режиссёр Кирилл СЕРЕБРЕННИКОВ сетовал в нашем разговоре, что «лучшее в мире британское искусствоведение» давно уже сочинило подробнейшую периодизацию для современного театра, «а в нашем случае от учёных-теоретиков ничего,

тем, кто воспринимает уроки литературы как пытку. ШЕКСПИР или МОЛЬЕР — не самые частые гости в современном драматическом театре, но кто из нас не знает «Ромео и Джульетту», «Тартюфа»? Читать пьесу как роман приучают нас также и принятые в школах методики разбора — когда первостепенное внимание уделяется сюжетным линиям, поискам социального и психологического смысла, но не специфике произведения как сценического.

Однако с новыми пьесами такие шутки не пройдут. Пытаясь быть актуальными, сохранять необходимый напор, всё время раздражать и провоцировать зрителя, новые тексты пытаются бежать вровень с информационной повесткой — и в результате очень быстро устаревают. Они не вскрывают реальность и не анализируют её, а скорее протоколируют — недаром такую силу набрал документальный театр, который формирует сценическое высказывание на материале диктофонных записей и архивных документов, а не вымышленных художественных образов.

Единого отношения к этому процессу режиссёрский цех не демонстрирует. Одни полагают, что такая скоротечность текстов ведёт к тому, что они не успевают обогатить собственно природу драматургического творчества. Другие возражают: время всё расставит по местам, а стремление к вечным истинам просто нелепо. Суть, однако, в том, что разбирать как роман и читать как роман новую пьесу не получается — она слишком неосознаема для тех громоздких инструментов, которыми мы обучены пользоваться.

кромке поклёпов и погромных статей, мы про себя не читаем». Значимость Чехова и ОСТРОВСКОГО разъяснена массовому российскому читателю давно и тщательно. Толку же в том, что сотне человек на ДНК вновь расскажут о важности таких драматургов, как братья ДУРЕНКОВЫ или Юрий КЛАВДИЕВ, нет никакого.

Смотреть не приучены

Ещё в средней школе мы назубок выучиваем скучную максиму, что существует три рода литературы: эпос, драма и лирика, причём драма — некая перемишка, и художественные средства её чрезвычайно ограничены. Читать пьесы как прозаический текст многие начинают раньше, нежели видят свой первый спектакль: «Гроза» Александра Островского, чеховские «Чайка» и «Вишневый сад», «На дне» Максима ГОРЬКОГО ещё долго снятся

Другой вопрос, означает ли это, что пьесы интересны аудитории именно как прозаические произведения? Вряд ли. Читка — это процесс, во-первых, публичный, а во-вторых, всё-таки театрализованный; публика нацелена на коллективное переживание, на восприятие рафинированного, однако усиленного чтецами-артистами высказывания.

«Современные пьесы в принципе в большинстве своём более пригодны для формата читок, — говорит драматург Ярослава ПУЛИНОВИЧ, — постановка такой драматургии зачастую требует особых, даже нестандартных режиссёрских решений». Сложно с ней не согласиться: русский психологический театр здесь не работает.

Британский драматург Марк РАВЕНХИЛЛ когда-то написал цикл коротких, на несколько страниц каждая, пьес под названием «Shoot/Get Treasure/Repeat». Сборник — рефлексия на произошедшие с миром после трагедии 11 сентября 2001 года изменения, все тексты — о войне, об агрессивном западном понимании демократии, о любви и жестокости рука об руку. Надо понимать, что Равенхилл — фигура иконическая, в своё время он фактически перезапустил современную британскую драматургию, встав у истоков In-your-face theatre — агрессивного, провокационного театрального искусства с острым социальным подтекстом и активным препарированием этических норм. Смотреть поодиночке эти пьесы почти что бессмысленно — но разве возможно показать за раз все шестнадцать? Можно, решил молодой питерский режиссёр Дмитрий ВОЛКОСТРЕЛОВ и сделал не что-нибудь, а «интерактивный музей» — пьесы на протяжении восьми часов идут одновременно сразу в нескольких залах, зритель волен сам выбирать маршрут. Каждая из постановок похожа скорее на перформанс, нежели на традиционный спектакль: есть среди них такие, где мужчина и женщина ведут диалог, сидя друг к другу спинами и зачитывая текст с больших мониторов, и такие, где все персонажи вообще молчат, а беседу ведут в чате Facebook.

«Эстетика времени превращает сцену в место, где зритель осмысливает своё зрение, начинает понимать своё восприятие как действие», — писал немецкий театровед Ханс-Тис ЛЕМАНН в труде «Постдраматический театр». Чтение как процесс статичного погружения в текст в комнатных условиях просто не работает. Можно подумать, что сборник пьес начала XXI века в отрыве от подмостков приобретает ценность авантажной макулатуры, хотя это, конечно, не так.

Зачем читать современные пьесы?

Ведущий отечественный театральный критик Павел РУДНЕВ пишет, что первый всплеск новой драмы в России произошёл ещё в перестройку: разжались клещи цензуры, и широкую публика открыла для себя Людмилу ПЕТРУШЕВСКУЮ, Венедикта ЕРОФЕЕВА, Владимира СОРОКИНА с их «драматургией боли и отчаяния», с одной стороны, и постмодернистских экзерсисов — с другой. Героя Ерофеева мы знаем прекрасно — маленький, люмпенизированный, одичавший человек, который стремится обрести экзистенциальную свободу в «неправильно устроенном мире».

Дальше — ярче. Театровед и критик Марина ДАВЫДОВА объясняет в своём «Закате театральной эпохи»: весь двадцатый век искусство боро-

лось за право говорить обо всём и по-всякому, не стесняясь при этом в выражениях. В девяностые творцы новой драмы сделали «объектом своего пристального интереса жизнь маргиналов всех оттенков и мастей»: это наркоманы и алкоголики, сатанисты, панки и бандиты. Драматургов интересовали табуированные темы, пародии и пограничные состояния, не интересовали оценки и нравоучительные мораллемы. Цвела и пахла нецензурная лексика — авторы пытались передать речь и повадки своих героев в их оригинальном виде и звучании. Само понятие героя исчезло, ему на смену пришёл персонаж, исполняющий свою функцию перед лицом обстоятельств, которые он не в силах преодолеть.

Пожалуй, наиболее мощное отражение этого тренда — страшнейший и по-чеховски комичный текст «Жизнь удалась» белорусского автора Дмитрия ПРЯЖКО о небольшом приключении двух гопников и их подружек, которых он, по выражению Давыдовой, рассматривает в микроскоп как «одноклеточных». Скучные и нрав-

ственно, и интеллектуально, поразительные языковой дистрофией, они, с точки зрения образованного зрителя, влачат жалкое существование внутри своего социального мифа, среди пьянок, драк и беспорядочных сексуальных отношений. С их же точки зрения, жизнь вполне удалась, и это пугает публику, помнящую девяностые, и это же смешит её до колик в животе.

Если герой девяностых — это Максим из сигаретского «Пластилина», потерянный забытый мальчик из маргинальной среды, который не ищет ответов на вопросы, а просто действует, чтобы выжить, — объясняет Пулинович, то герой нулевых — это, скорее, точно такой же потерянный менеджер среднего звена, бездействующий, постоянно мучимый вопросами смысла жизни. Красноярский ТЮЗ показывает «Наташину мечту» по её старой пьесе — печальную и умную сказку о девочке-сироте, которая влюбилась во взрослого мужчину, а тот оказался сволочью. И одновременно — «Кеды» Ксении СТРИЖАК, где центральный персонаж — великовозрастный хип-

стер, сидящий на маминой шее, бесцельно прожигающий жизнь в грёзах о каком-то поступке с большой буквы.

Что мы видим в десятые годы? Ненарушенных табу больше не осталось, кроме тех, что выпестованы на пустом месте фанатиками и трусами всех мастей. «Чернуха» безо всяких законов о запрете нецензурной лексики ушла с подмостков за ненадобностью. Сами подмостки стали больше — из камерных и экспериментальных сцен новая пьеса постепенно выбралась на сцену большую: тексты стали работать не вширь, выбивая последнее окно в ненавистной школе, а в глубину, на что, конечно, повлияла и общая обстановка в стране: с одной стороны, внешнее благополучие, с другой — идеологический вакуум, заполняемый суррогатами ценностей и различными пропагандистскими пустышками. Многие взялись переписывать классику, иные вгрызлись в политическую повестку или в темы, которые никто, кроме театра, поднимать на серьёзном уровне не осмеливается — например, межнациональные и религиозные отношения.

Ценность современной драматургии заключается в том, что она не причислена, не надушена, не примята. Фактически это квинтэссенция духа времени, полезная не столько сама по себе, сколько в сочетании с новейшими режиссёрскими находками и в рамках социального контекста, питательная среда для произрастания новой жизни из старой. Потому что в артефактах есть идеи, но жизни не осталось, и это нормально: неспиленный вишневый сад в лучшем случае окажется на положении заповедника.

Пока «вечные» произведения пылятся на полках, новые и дерзкие тексты создают новый и дерзкий театр с живым современным героем. Недалёкий человек увидит в нём насмешку над традицией, мудрый — Гамлета, Короля Лира или Акакия Акакиевича в тридцатом колене. Отрекаясь от знакомства с новыми текстами, мы отрекаемся и от эпохи. А ведь давно известно — если оставаться в плену старых книг, то никогда не понять, что время всё-таки движется.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

МАЛЫЙ ЖАНР

Если бы вам пришлось рассказать о книге, которая для вас стала откровением, или осталась самой перечитываемой, или просто — хотелось бы предложить её другим?.. Нашим авторам мы поставили эту задачу, и вот их выбор. А какую книгу назвали бы вы?

Почти про меня

«Лето, бабушка и я» Тинатин МДАВАНАДЗЕ

Я скучаю по детству и по тем временам, когда рядом была бабушка и мир казался добрым и тёплым. Я так её любила и так боялась потерять, что впадала в страшное беспокойство, даже когда она просто ложилась отдохнуть и закрывала глаза. Мне было шесть лет, я взибалась к ней на кровать и просила: «Бабушка, открой глазки!». Бабушка сердилась...

Когда пару лет назад мне в руки попала книжка грузинской писательницы Тинатин Мдаванадзе «Лето, бабушка и я», я не поверила своим глазам — там всё было как будто про меня. Только бабушка была аджаркой, и кругом благоухала сочная батумская природа.

Детская литература в жанре мемуаров — это, по моему мнению, лучшее из того, что написано для детей. В России у этого жанра мощные традиции. Начиная от корифеев, вроде Льва ТОЛСТОГО и ГОРЬКОГО, о детстве которых я тоже читала взахлёб, до уютных Бориса ЖИТКОВА, Льва КАССИЛЯ и Алексея ТОЛСТОГО с его «Детством Никиты». Дети, по крайней мере, моего поколения, выросли вместе с ними.

Детская мемуарная книга — всегда инерция узнавания. И юмор, который помогает пережить этапы взросления. «Лето, бабушка и я» пронизана юмором, как летняя комната солнечными лучами. Те, кто читал «Я, бабушка, Илико и Илларион», поймут меня, потому что это даже не юмор, это такое грузинское мироустройство. Магический реализм — единственный реализм, которого достойно детство.

Мжаванадзе — русскоязычная писательница, поэтому посредник при передаче аджарского колорита не понадобился. Здесь есть всё — деревни со злобными петухами и запахом мацони; тяжёлый виноград, который можно есть без помощи рук, возлежав на земле и обливаясь соком; аджарские похороны, где женщины привычно голосят так, что слышно за три улицы... И над всем этим возвышается сухонькая фигурка дидэ, как зовёт свою бабушку маленькая внучка. Язык дидэ — отдельная статья. Особенно хороши проклятия и причитания:

«— Смерть моя, — говорит она вполголоса, но так страшно, что лучше бы кричала, — смерть моя и не проснуться завтрашним утром! Джандаба!

Причитания её я знаю наизусть — они уже устоялись и отлились в форму корсиканской баллады: тут перечислены все её беды за всю жизнь, надежды на спокойную старость и горькое разочарование от последней внучки, которая отравила ей эти надежды».

Бабушка — демиург. Она создала целую вселенную, которая вращается вокруг любимой внучки. Без бабушки не начинается утро и не заканчивается день. Мама, вечно занятая преподавательница, помещается где-то на заднем плане, откуда подаёт несмелые реплики матриарху объёмного клана. Единственный раз, когда бабушка куда-то уезжает, для девочки останавливается жизнь — весь день она занята только тем, что ждёт дидэ, сжимая в руках её платок и вдыхая его запах...

И да, ещё один признак настоящей детской литературы — её интересно читать и детям, и взрослым. Мой 14-летний сын, интересующийся только стрелялками и военной темой, проглотил её за два дня.

Елена НИКИТИНСКАЯ

Жизнь — как она есть

«Бродяги Дхармы» Джека КЕРАУКА

«Как-то в полдень в конце сентября 1955 года, вскочив на товарняк в Лос-Анджелесе, я забрался в «гондолу» — открытый полувагон и лёг, подложив под голову рюкзак и закинув ногу на ногу, созерцать облака, а поезд катился на север в сторону Санта-Барбары», — так начинается книга, перевернувшая жизнь многих. Её автора я узнаю на любой фотографии — вот он, молодой парень с внешностью старого Голливуда — открытый взгляд, неизменно белая майка, клетчатая рубашка, обнимает своего кота.

Джек Керуак — главный битник, король битников, шатавшийся всю свою недолгую жизнь по просторам Америки. Он творил в жанре спонтанной прозы — пиши как пишется, без изысков, абзацев, знаков препинания, подчиняйся ритму и импровизируй, как джазмен. Культовый роман, породивший целое поколение автостопщиков — «В дороге», был написан именно так — огромный рулон, в котором одна машинописная страница приклеивалась к другой. Это такое путешествие повзрослевшего Гекльберри Финна по новой Америке — с её соблазнами, алкоголем и наркотиками. «Бродяги Дхармы» — роуд-муви совсем другого толка.

Главный герой этого романа — сам Керуак, скрывающийся под именем Рея Смита. На первый взгляд кажется, что в романе ничего не происходит — Рей бесцельно путешествует по Америке автостопом и в товарных поездах от Тихого океана до Атлантического. Взибалась на гору, устраивает попойки, сочиняет стихи. Здесь нет глобальных событий, нет чётко обозначенной любовной или детективной линии. Как говорят фанаты Керуака, ему чертовски хорошо удаётся писать ни о чём.

И всё-таки это путешествие — внутрь себя, в поиски своей сущности. Герои — бездельники по своей сути, не зря оригинальное название The Dharma Bums можно перевести как «Лодыри Дхармы». И именно в такой практике активного ничегонеделания и есть главный вызов этого романа — тот самый порох, который может взорвать стереотипы. «Бродяги» много размышляют о вечном, пишут и читают, ждут вдохновения или просветления — и совершенно при этом отказываются от классической модели успеха, в которой есть работа-дом-семья-машина-счёт в банке. Оказывается, что можно довольствоваться малым — и при этом быть духовным богачом.

«Человек должен хоть раз в жизни оказаться в кромешной глуши, чтобы физически испытать одиночество, пусть даже задыхаясь при этом от скуки. Почувствовать, как это — зависеть исключительно от себя самого и, в конце концов, познать свою суть и обрести силу, ранее неведомую». Для того чтобы погрузиться на такой уровень одиночества, нам, современным людям, привыкшим бежать по кругу, нужно иметь настоящее мужество. Мужество увидеть жизнь такой, какая она есть.

«Новое» поколение молодых дауншифтеров, бросивших престижные работы и большие зарплаты, отправившихся в глушь разной степени экзотичности — идеологические дети короля битников, объяснившего раз и навсегда, что только в дороге человек может быть по-настоящему свободен. Хотя они, может быть, и не знают, кто такой Джек Керуак — человек с большим сердцем, котом и уникальной литературной харизмой.

Анна ТРАПЕЗНИКОВА

А вот выбор редакции: Сергей КАРА-МУРЗА, «Совок» вспоминает свою жизнь. Тема переосмысления советского прошлого сейчас актуальна, но автор «Манипуляции сознанием» (тоже из списка обязательного чтения) издал свой «Совок...» ещё при Ельцине и не столько теоретизирует, сколько приводит примеры из бытовой жизни в СССР. Делая из них очевидные и нетривиальные выводы.

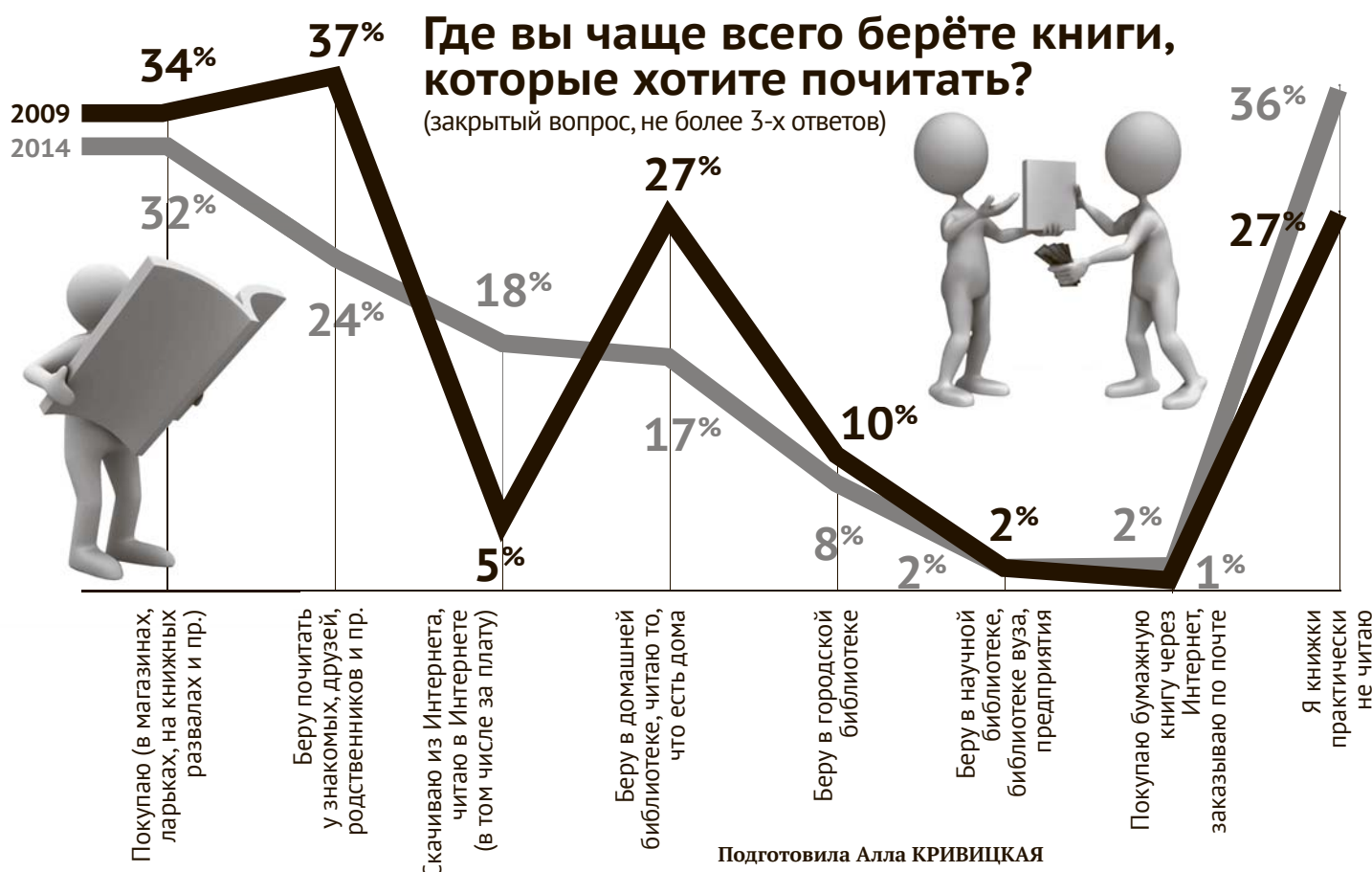
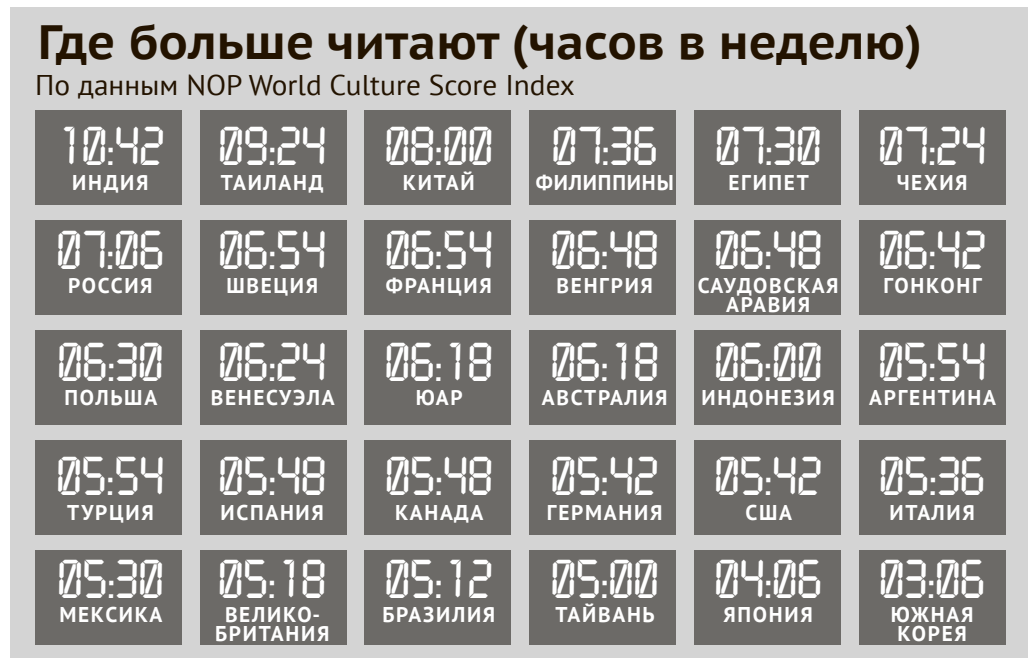
Всё не так уж плохо

Это миф, что люди стали «катастрофически меньше читать!». Такая картинка создаётся в общественном мнении за счёт того, что:

- 1) изменились источники, откуда россияне «берут» книги (меньше в библиотеках, больше – в Интернете);
- 2) меньше издаётся печатных книг – упал их общий тираж (просто потому, что изменился спрос: многие читатели перешли с бумажных носителей на электронные);
- 3) люди меньше покупают книг – просто из экономии (но берут их у знакомых, создавая своеобразные обменные фонды и пр.).

Изменились и цели чтения: чаще всего люди читают (книги, газеты, журналы), чтобы быть в курсе текущих событий, а вот тех, кто читает для удовольствия (как мы в детстве-юности – запойно!) – меньше. К сожалению, и для обучения, работы читают немного – меньше половины россиян. Но читают! Меньше, чем в девяностые (тогда 5 книг за три месяца, теперь – 4), но чуть больше, чем несколько лет назад (из опроса, представленного в марте 2013 г. ВЦИОМ).

83% россиян имеют домашнюю библиотеку (и за последние годы этот показатель вырос), хотя, надо признать, 46% – это мини-библиотечки, менее чем из ста книг. Читают книги более или менее регулярно (не реже раза в месяц) 55% (опрошенных ФОМ – 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов). Чуть больше – регулярно читающих журналы (59%), самое популярное чтение – газеты: регулярно читают их, причём преимущественно в печатном виде, почти три четверти россиян.

Не покупают старые, подержанные книги у букинистов **81%**

Не покупают ненужные книги из-за низких цен **89%**

Не читают книги сразу после приобретения (откладывают в сторону) **50%**

В среднем за новую бумажную книгу россияне готовы заплатить 361 руб.